

Р. КАНУШКИН

« ДЕТИ РОБИНЗОНА КРУЗО »

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДОМ НОЧИ

Роман Канушкин Дети Робинзона Крузо

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=444875
Р. Канушкин. Дети Робинзона Крузо: АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-063844-4, 978-5-271-26150-3*

Аннотация

Разве может игра, что завела когда-то четверых мальчишек в заброшенный дом, закончиться скверно? Превратить безобидный поход в самое страшное событие жизни? Конечно же, нет! Об этом твердит здравый смысл, твердит вот уже четверть века.

И это не беда, что мальчиков осталось только трое, не беда, что пути их разошлись. Что каждый из них, так или иначе, провел последние двадцать пять лет на острове собственного одиночества. Но что-то сдвинулось в тенях прошлого. Что-то, таившееся тогда в доме, вновь ожило. И, возвращаясь, тихо шепчет в темноте: «Добро пожаловать в Дом Ночи».

Содержание

Март: Разрыв цепи	4
Апрель. Первая декада: DER BUMER	7
1. Знакомьтесь: Миха	7
2. Все сложилось	11
3. Треп ни о чем	12
4. Цифры и машины	16
5. Этой же ночью	17
Апрель. Вторая декада: Одри Хепберн и другие	24
6. Мама Мия: разрыв цепи	24
7. www.deaddrivers.ru	29
8. Мама Мия (первая тень)	33
9. Икс читает знаки	39
10. Маленький Будда (сбежавший мальчик)	51
11. Кутанские собаки	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Роман Канушкин Дети Робинзона Крузо

Март: Разрыв цепи

*В бледных ладонях струится вода,
В бледных ладонях следы барракуд.
Хищно смеется морская звезда,
Робинзон Крузо на двадцать секунд.¹*

Ночь над Москвой. Капли весенней воды на лобовых стеклах автомобилей. В них преломляются несущиеся огни – автострада третьего кольца. В этом городе появился человек, наделивший каждую каплю неведомой формой жизни. Нам нет пока до этого дела. Нас ждет кое-что поважнее: *автобан*... Сумрачный немецкий гений выстроил лучшие в мире дороги для лучших в мире автомобилей. Эту фразу повторяет человек в деловом костюме от Armani – монотонный шепот сквозь звуки ночного города. Человек стоит в темноте посреди недавно открывшегося салона продажи автомобилей. И еще запах... Мы ведь знаем, как пахнет снег, который вот-вот начнет таять. Запах спелых арбузов... И нам известно кое-что про эту летучесть новой воды. Говорят, у тех, кто слабо понимает в подобном деле, начинает течь крыша. И они отмахиваются какими-то светско-доверительными фразами – мол, весенняя депрессивная колбасня. Но тут маши – не маши, а от этого «кап-кап» еще не придумали надежных зонтиков. Некоторым же никакие зонты не нужны. Они вдыхают полной грудью влажный воздух, словно там, за снегом и арбузами плещутся воды неведомого тайного моря, и радуются подступающему освобождению.

Этот человек в костюме от Armani. Его зовут Дмитрий Олегович Бобков; он, между прочим, директор данного предприятия и находится здесь на вполне законных основаниях. Если не задаваться лишними вопросами, – а это всегда правильно, – то можно и не обратить внимания на немецкую кувалду, которую Дмитрий Олегович чуть боязливо поглаживает по пластиковой ручке. Поди их, директоров, разбери. Тем более директоров временных, на первые три месяца, потому как Дмитрий Олегович – птица гораздо более высокого полета.

Ну, конечно, никакая он не птица – это все глупости, *modus operandi* языка, но про три весенних месяца – чистая правда.

Дмитрий Олегович Бобков в автобизнесе давно, больше десяти лет. И до сего момента он по-настоящему гордился тремя вещами. Своей работой: Дмитрий Олегович возглавлял крупнейшую дилерскую сеть, открывал новые автосалоны и даже первые три месяца, пока предприятие не встанет на ноги, директорствовал в них лично. Своей знаменитой на всю Москву еще с советских времен коллекцией антиквариата – когда обычно печальноликие знатоки с трепетным восторгом шепчут друг другу на ухо, что вот этот стол, стул или кресло с обилием тонкой резьбы – не просто анонимное рококо, а подлинный чиппендейл так же, как и тот массив не обычное *настоящее* красное дерево, а так, на минуточку, обычный хэпплайт. Ох-ох, уж Дмитрий Олегович знал цену этим быстрым красноречивым взглядам. И ловил кайф. Жадно, словно за всеми тихими благоговением, завистливым восхищением и того же свойства равнодушным снобизмом, таилось нечто гораздо более древнее и могуще-

¹ Здесь и далее стихотворение Евгения Головина «Робинзон Крузо».

ственное: человеческие соки текли по ирригационным каналам посреди сухой безрадостной пустыни бытия, и вот одно из тех вовсе не многочисленных тайных мест, куда они текли, как раз и занимал Дмитрий Олегович.

Ну и, конечно, третье – шевелюра. Черные, без малейших, невзирая на возраст, признаков седины, волосы. Роскошный чуб, который Дмитрий Олегович зачесывал по-барски назад.

Любой мир держится на трех слонах или трех черепахах, как кому угодно. Иногда стапушки захиревают и окочуриваются – их уже нет, а мир об этом еще ничего не знает.

Черепашки Дмитрия Олеговича захворали в начале марта. Сперва он решил, что возникла путаница с документацией. Это было непохоже на немецких партнеров, тем более что возникшая маржа (скромно умолчим, что в пользу Дмитрия Олеговича) оказалась равной стоимости новенькой модели BMW седьмой серии.

«Вот тебе и Бумер», – отчего-то вспомнил Дмитрий Олегович недавний модный фильм.

С немцами подобные шутки были плохи. За воровство у них еще с готических времен отрубали руки. Поэтому Дмитрий Олегович отнесся к возникшей проблеме со свойственной ему честностью и ответственностью. Но к тому моменту одна из захворавших черепах уже сдохла. Несколькими днями позже Дмитрий Олегович решил, что сходит с ума. Цепочка подобных умозаключений и привела его ночью в пустынный автосалон и вложила в руки немецкую кувалду.

Новенький BMW седьмой серии стоял в абсолютной тишине, и лишь свет фар проезжающих мимо автомобилей выхватывал его из густой тьмы. Дмитрий Олегович слышал, как стучит его сердце, ровно и трепетно, может, чуть громче и пронзительней обычного, но, как всегда, оставляя место для любви и надежды. «Сделай это, – шептало ему сердце, – и тогда все снова встанет на свои места».

Дмитрий Олегович продвинулся еще на шаг вперед и посмотрел на стоящий перед ним лимузин с выражением какой-то детской укоризны. Предательское воображение воспользовалось лазейкой секундной слабости: обрывки страхов, чужих фраз, чужих мнений. «Как же хороша эта машина; сумрачный немецкий... Бумер. Сумасшествие: я здесь, посреди всех этих автомобилей с каким-то ледорубом в руках, видел бы кто меня... Позор, смех, да и только. А если... еще шаг, то обратного хода уже не будет».

А потом Дмитрий Олегович тряхнул головой, как поступал всегда, чтобы заставить умолкнуть эти чужие голоса и в наступившей внутренней тишине различить голос лишь своей собственной воли. И он сделал этот быстрый шаг вперед, одновременно подняв кувалду. Замах – и тишину рассек свист опускающегося молота, затем страшный грохот визгом и скрежетом взорвал пространство, когда заостренный конец кувалды вошел в соприкосновение с полированной поверхностью роскошного авто и... все. Все! Снова тихо, покойно, пустынно. Ничего не случилось.

Дмитрий Олегович все же зябко передернул плечами, сглотнул, скорее по ожиданию подобной реакции, а не из ее необходимости, сделал глубокий радостный выдох и аккуратно извлек кувалду из отверстия в покоренном металле. Тихая ухмылка недоумения начала растягивать его губы: черт, он только что разможил капот лучшей машины салона и, возможно, лучшего автомобиля, который можно купить за деньги. Огромная вмятина посреди капота, а ровно по центру вмятины приличное отверстие и... Это великолепно!

Дмитрий Олегович даже не заметил, как радостно и опять же странно по-детски подпрыгнул на одной ножке. Он отбросил кувалду в сторону, шаркнул по начищенному до блеска полу и направился прочь отсюда. Затем обернулся, пристально посмотрел на безупречные обводы BMW. Какая-то машина проехала по Третьему кольцу. Свет ее фар коснулся покоренной поверхности раненого металла. Игра теней, снова темно. Вот приближается другая машина. Дмитрий Олегович вынужден был вернуться на место своего

нелепого преступления. Ему этого очень не хотелось, но так вышло. Он слегка склонился над капотом BMW седьмой серии, чтобы различить только что оставленное им отверстие посреди вмятины. Игра теней; губы больше не растянуты в ухмылке, а капризно сложены трубочкой и снова монотонно повторяют что-то про сумрак... И тогда он *увидел* это отверстие. И его сердце на миг остановилось. Именно в этот миг в роскошной, по-барски ухоженной шевелюре Дмитрия Олеговича появилась первая крупная прядь седых волос.

Апрель. Первая декада: DER BUMER

*Нет у меня ни жены, ни детей,
Есть только хохота рыжая медь,
Сам себе остров и сам себе тень,
Сам себе парадоксальная смерть.*

1. Знакомьтесь: Миха

Михаил Кох, известный некоторой части Москвы как Миха-Лимонад, а чуть более узкой группе граждан как Миха-Тайсон, пребывал в прекрасном расположении духа. Только что он сказал следующее: «Ницше учил, что каждый мужчина должен смеяться минимум десять раз в день. В противном случае у него начинаются проблемы с пищеварительным трактом. – Потом подумал и добавил: – Хотя, конечно, никого он ничему не учил».

За пять минут до озвучивания максимы великого немца Миха-Лимонад вышел из кинозала ретроспектив, где просмотрел вступительную часть трилогии «Матрица», и оказался в холле большого мультиплекса в торговом центре на Курской. Кино Михе снова понравилось – братья Вачовски все четко просекали. Нет, никаких революционных откровений – фильм, в особенности первая часть, лишь в очередной раз подтверждал правомерность некоторых Михиных суждений, но подобное совпадение взглядов также настраивало на позитив.

«Братья Вачовски, – ухмыльнулся про себя Миха, – не, правда, братаны... Все четко просекли по поводу Большого Наебалова. Да еще бабла на этом срубили! Все верно, а главное очень грамотно укладывается в сам концепт».

Михины туфли от Гуччи скрипнули новой кожей. Невзирая на обилие посторонних шумов, он услышал этот приятный звук, и волна теплого удовлетворения прошла по его телу. В следующую минуту он уже позволил себе не думать ни о Гуччи, ни о «Матрице».

Миша Кох, известный собственной маме под именем Плюша, – видимо, от плюшевого мишки, – рос в профессорской, хоть и интеллигентной, но весьма обеспеченной советской семье. Перед ним открывались сказочные перспективы, перечислять которые нет смысла, – он не выбрал ни одну из них. А проблема заключалась в белье, обычном детском белье. Дело в том, что в эпоху всеобщего советского дефицита белье было проблемой. А зимы в те мифические времена стояли студеные, Мише-Плюше надо было носить теплые чулочки, да еще на мальчиков не шили иных трусов, кроме семейных. Это могло так и остаться Михиным частным делом, если бы не уроки физкультуры. Словом, Плюшино заграничное белое белье и чулочный поясок воспринимались в спортивной раздевалке как абсолютно девчачьи. Со всеми вытекающими последствиями. Детская жестокость, конечно, не дает форы тюремно-армейской с ее мрачно-земным вдохновением, но все равно входит в top-ten подобных человеческих развлечений: бабье белье, слезы, сопли, синяки-драки, палочка Коха, пидарас да еще, вроде как, немец... Миша-Плюша был впечатлительным и почти до болезненности утонченным ребенком, плакавшим внутренними слезами от серенад Шуберта, поэтому он записался в секцию бокса. Через год с обидчиками было покончено. К шестнадцати годам он мог свободно крушить челюсти. Но прозвище «Миха-Тайсон» Плюша получил значительно позже. Когда выбрал альтернативу всем перспективам для молодых людей его круга.

Сейчас, пересекая холл мультиплекса на Курской (шел он, между прочим, не просто так, и его легкая походка обозначала вектор вовсе не произвольный, к чему мы еще вернемся), Миха-Лимонад был весь из себя красавец мужчина, очаровашка-прелесть в расцвете сил, модный перец в отличной спортивной форме с весьма обаятельным, хоть и несколько

туманным призывом на майке «Свободу Тибету» и с еще более легкомысленной припиской на спине «Буддизмом по бабизму!», крутой пацан в одежде от Пола Смита – как кому угодно. Главное – он не испытывал никаких проблем с пищеварительным трактом. Одно время в ухе у него сверкала серьга белого золота с голубым бриллиантом, на мизинце – перстень с сапфиром, и ему было наплевать, что для выбранной им альтернативы он выглядит вроде как не по форме. Некий седовласый человек, которого Миха-Лимонад очень уважал, его старший учитель, назвал среду, в которой Миха вращался, богемно-бандитской тусовкой. И Михе это нравилось. Это было точно. Попадание в десятку. А в зависимости от рода деятельности и желаний Михи акцент в определении «богемно-бандитская» периодически смещался то влево, то вправо.

Итак, холл мультиплекса на Курской. Словно в кино «Матрица» все на мгновение замерло: обрывки звуков, недоговоренных фраз, застывший сигаретный дым в воздухе, неподвижные фигуры в странно-смешных позах, повисшие одна над другой желтые капельки «фанты», наливаемой в высокий стакан... И некая особа, скусающая над глянцевым журналом. Она встряхнула копной волос: именно в этот момент картинка застыла, так что можно было разглядеть каждый волосок. Неплохая получалась фотография.

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» – весело проговорил про себя Миха, и мир движения снова обрушился на него своей механически склеенной динамикой. Миха-Лимонад направлялся к незнакомке с гляцевым журналом. Прошел мимо, остановился у стойки бара, присел на тумбу. Миг, конечно, – загадочная вещь. Чем и пользуются великие фотографы. Если бы люди были так хороши, какими иногда получаются на фотографиях! Да, за эту тайну Миха бы многое отдал. Он принес бы свою тайну. Только некуда ее было нести. Не востребована. Точка.

Заинтересовавшая Миху особа через гляцевый журнал знакомилась с новой коллекцией «Шопар». Изумительное кольцо с бриллиантами и огромной жемчужиной, слегка смещенной от центра – тонн на десять евро потянет. Матовый шелест страниц, коллекция шмоток, модели, лишенные признаков пола, словно на дворе все еще загнивали девяностые-нулевые, а не наступила совершенно новая эпоха. Миха не любил девяностые с их кокаиново-бисексуальной меланхолией, закатанной в полиэтилен красотой и слишком быстро и карикатурно заматеревшими героями. Хотя он сам и являлся продуктом этого десятилетия, Миха не видел здесь никакого противоречия. Прошлое меняется каждый миг, оно подвижно, как танец бойцов на ринге, и лишь энергетика этих изменений питает настоящий момент. Нечто в таком духе Миха заявил в интервью одному мужскому таблоиду. Журналиста вряд ли интересовали подобные Михины инвективы. Его интересовало другое: правда ли, что в свое время Миха создал сверхуспешную рекламную кампанию лимонада, впрочем, как и сам лимонад, – и с чего это он так ополчился на десятилетие первоначального накопления капитала, которое, как известно, всегда преступно.

– Насчет первоначального накопления – это вы Прудона начитались, – вежливо отозвался Миха, отламывая треугольник «Тоблерона» (пристрастие к шоколаду – еще одна привычка, доставшаяся от детства, когда Миша-Плюша спасался от слез, поглощая шоколадные плитки). – И еще. Если бы мне пришлось писать об этом времени статью, главный тезис звучал бы примерно так: «Девяностые как самый яркий манифест окончательного угасания мужской цивилизации». С чего мне их любить?!

Миха откинулся к спинке кресла, поднял левую руку и погладил собственный затылок – таким образом желающие могли оценить его атлетический торс. Журналиста эти витальные проявления ничуть не смутили: его пивное брюшко было спрятано под дизайнерской кофтой, и он делал интервью для модного, если не сказать снобского издания. И не был геем.

«Тоже мне, Заратустра», – подумал журналист, выдвигая из-под стола ногу, обутую в бутсу от Дирка Биккембергса. Привычной для него формой взаимодействия с окружающей средой являлась снисходительная ирония. Поэтому он сказал следующее:

– И все же, насчет этой рекламной кампании... Ведь известно, что в определенных кругах вас называют Миха-Лимо...

– Все – берег, но вечно зовет море, – вдруг продекламировал Миха. И улыбнулся.

– Что?

– Это Готфрид Бенн, немецкий поэт.

– Допустим. Но...

– Знаете, что он хотел этим сказать?

– Надеюсь, вы меня просветите. Однако вернемся к рекламной кампании. Не секрет, что в определенных кругах вас зовут Миха-Лимо...

– Я тебе уже ответил, браток, – остановил Миха повторную попытку журналиста, и в его веселом взгляде на миг сверкнул ледяной огонек. Всего лишь на миг голубой искоркой проскользнуло нечто, и оно было холодным, как лед из бездны. Рот интервьюера захлопнулся.

...Сейчас истекала пятая минута после просмотра блокбастера «Матрица». Миха-Лимонад у стойки бара ждал свой заказ – плитку шоколада. Особа с глянцевым журналом уже успела обменяться с ним взглядом и ни к чему не обязывающей улыбкой, прежде чем вновь погрузиться в свое бестолковое чтение, но Миха знал, что находится в поле ее периферийного зрения, поэтому просто прямо смотрел на нее. Она больше не поднимала головы – равнодушие и неприступность у нее выходили неплохо, лишь на щеках заиграл едва заметный румянец. Да и журнальные развороты вдруг потребовали более значительной концентрации. Миха получил шоколад, расплатился, забрал сдачу и направился к девушке. Ее реакцией на Михино приближение стало полное, даже несколько нарочитое отсутствие реакции. Миха остановился. Улыбнулся. Произнес своим фирменным хриплым, обезоруживающим девушек, голосом фразу Ницше по поводу мужского смеха и пищеварительного тракта. Она оторвалась от журнала; в больших карих глазах нечто, принимаемое ею за недоумение:

– Простите?

Миха видел ее зрачки: после недоумения должно появиться изумление. Он немного склонился к ее лицу: небрежность и в то же время какая-то атавистическая грациозная галантность, – дистанцию он чувствовал великолепно.

– Я никогда не видел такой красоты и такой сексуальности. Ты сразила меня. Ты самая красивая девушка Москвы. – Голос стал еще более низким и хриплым. – Больше всего я хочу прикоснуться к твоему телу губами.

– Что?!

Теперь изумление уже не выглядело притворным.

– Может, я потерял голову, но больше всего я хочу довести тебя до оргазма.

Зрачки расширились, застыли: осторожно, сейчас можно схлопотать по роже. Пауза, ее надо *выдержать*, сейчас все и решится. Если она произнесет хоть слово, то по роже уже не будет. Ее ресницы дрогнули.

– Ты... вы...

Шок, изумление, но и что-то еще. *Что-то*, чего Миха никогда бы не спутал.

– Я хочу трахнуть тебя, целовать твою грудь и все твои сладкие места. Кончить с тобой одновременно. И я сделаю это, как только ты позволишь.

Она смотрела на него; потом ее губы разомкнулись. Она выдохнула. И ей пришлось признать, что все это происходит на самом деле. Румянец на щеках уже больше ни от кого не скрывался. Она качнула головой, отвела рукой волосы:

– Ничего себе... – Эти слова дались ей не без труда, Михе удалось ее *впечатлить*. Она кашлянула: – Ты всегда так знакомишься, или сейчас особый случай?

Ее глаза весело заблестели. Миха склонился к ней еще ниже и произнес вкрадчивым бархатным голосом:

– Решай сама.

2. Все сложилось

Через полчаса он уже брал ее сзади в номере небольшой частной гостиницы, который снимал специально для любовных свиданий. Все свои авансы они выполняли сполна. День начал складываться неплохо.

3. Треп ни о чем

Чуть позже она спросила:

– А ты кто?

– Человек, – Миха-Лимонад пожал плечами.

– Ну, в смысле... чем ты занимаешься?

Миха отломил кусочек шоколада, протянул руку к ее рту, провел шоколадной полоской по ее губам. Она откусила половинку, но Миха отправил ей в рот остальное и еще два своих пальца. Подождал, пока она проглотит угощение, извлек руку, посмотрел на свои влажные пальцы. Затем сказал:

– Граблю бензоколонки.

– У-гу... Бандюга.

Миха усмехнулся:

– Я занимаюсь словом.

Ее взгляд говорил о том, что подобное она уже слышала не раз. Такой взгляд мог предвещать последующее разочарование и скуку. Михе было все равно. Все же он добавил:

– В поэтическом и прикладном смысле.

– В поэтическом?!

– Порой они меняются местами. Смыслы.

– Это как?

– Подпитываются энергией друг друга.

– Забавно...

– Ты тоже ничего.

– У-гу... Разбойник и поэт.

Собственно говоря, это могло быть правдой.

Так оно почти и было.

Еще чуть позже она спросила:

– А у тебя есть мечта?

– Мечта?!

– О чем ты мечтаешь?

– Ам... Конечно. Я хочу сменить тачку.

– Нет – *мечта*?

– Именно. Я хочу пополнить свой автопарк последним BMW седьмой серии. В президентской комплектации. Бэха... Или, иначе, Бумер.

И это также было правдой.

А главный продавец BMW в городе, Дмитрий Олегович, сидел в своем просторном кабинете и уныло смотрел в окно. По стеклу бежали капли весенней воды... запах спелых арбузов... Были заморозки, навалило нового снега, но вот теперь таяние, вроде окончательное. Эта весна подзатянулась. Чего уж говорить, здорово подзатянулась. В тот момент, когда секретарша Юленька (секретарь-референт Йу-у-у-ля... Как они с Юленькой тешили друг друга в этом самом кабинете! Когда это было – вечность тому?) постучала в дверь, Дмитрий

Олегович думал, что у него вот-вот должна открыться язва. Эта ватная, сосущая пустота в районе желудка...

Юленька застыла в дверях, молчала. Дмитрий Олегович перестал интересоваться каплями воды на стекле. Вздохнул, обернулся к девушке и понял, что уже знает причину ее появления. У них с Юленькой теперь своя маленькая тайна. Такой небольшой шалаш для двоих, только к их легкой служебной интрижке это не имеет никакого отношения.

Или имеет?!

Дмитрий Олегович откинулся к спинке кресла и выжидающе посмотрел на девушку. Юленька кивнула. И от тихой покорности этого движения Дмитрий Олегович вновь почувствовал ватную пустоту в районе желудка.

– Он снова вернулся, – чуть слышно произнесла девушка.

Миха-Лимонад в это время беседовал со своей новой знакомой. Пришла ей пора поговорить.

– Ты смеешься надо мной или всерьез притворяешься таким брутальным?

– В смысле?

– Про мечту.

Миха пожал плечами.

– Ты вся такая рафинированная, а я существо довольно простой организации; все попроще и поконкретней. У меня такая цепочка мечт... э-м-м... мечтаний, и я двигаюсь от звена к звену. Обычно на это уходит неделя-две. Чего улыбаешься? Правда.

– У-гу... Значит такая Мечта на Сегодня?

– Типа. А ты быстро все усекаешь.

– Типа... Ну и сколько стоит твоя Мечта на Сегодня?

– Во как! Вроде как в облаках паришь – а тут же «сколько стоит?».

– Я не давала никаких обещаний.

Миха усмехнулся.

– Больше сотни штук баксов, если тебя это действительно интересует.

– Почему мужчины так боятся открыть свою чувственность?

– О чем ты?

– Вот и сейчас.

– Что сейчас?

– Ничего. Просто непонятно.

– Непонятно – что?

– С чего это ты прикидываешься таким валенком?

Миха поморщился, оглядел стены гостиничного номера и девушку в центре постели:

– Знаешь, почему?! Вот из-за таких разговоров. А ведь всего-то и сказал – это что хочу купить новую тачку.

– «Астон Мартин»?

Миха снова усмехнулся: вот они, девяностые-нулевые, поколение внуков постмодернизма. Оговорки-шутки: коллектив счастливых консуматоров со своим коллективным пиздежом... Ты про это в своих журналах начиталась, играя?! Вслух он сказал:

– BMW.

– У-м-м.

– А мужика там играл не Шон Коннери, а Пирс Броснан. Хотя потом уже Дэниел Крэйг, только это другая история.

Она весело посмотрела на него, Миха холодно улыбнулся в ответ.

– Не притворяйся слишком умненькой девочкой, ты и так не дура.
– Чего, обиделся?
– Просто рассказываю, как обстоят дела. И у «Ноль-ноль-семь» была спортивная модель из алюминия. А я хочу купить тяжелый лимузин. Бумер.
– Ладно, извини.
– Чего уж там, – Миха провел языком по ее груди, на коже остался влажный след, коснулся губами соска, – постконсуматоры и их дискурс...
– Я уже извинилась.
Миха посмотрел на нее внимательнее и подумал, что она, скорее всего, ему нравится. И тут же услышал веселое:
– А что это у нас сейчас произошел за разговор?
– Наверное, запоздалое смущение.
– Забавно.
– Что?
– Верное слово. Люди всегда выпендриваются от смущения.
– Я знаю, как все это прекратить. Иди сюда.
– Да, хорошо. Подожди... Ой, как приятно... Тогда тем более не понятно, на хрена тебе «Бумер»?

Потом, когда у них все сложилось еще раз, она сказала:
– Я давно ни с кем не была.
– Сочувствую.
Она курила. Повернула голову к Михе. Ее карие глаза стали темными. Темными и глубокими. Как бархатное окаймление омота, в который пристально вглядываешься. Она сказала:
– Я давно ни с кем не трахалась.
– Изящное уточнение.
Она отвернулась. Выпустила дым в потолок. Помолчала. Проговорила негромко:
– Если у нас будет когда-нибудь еще свидание, я скажу тебе, что имею в виду.
В дверь постучали. Миха поднялся, накинул махровый халат. Взял бумажник. Вернулся через десять секунд. С огромным букетом алых роз. Протянул ей:
– Я пришел на второе свидание. Говори.
Она обрадовалась букету. Рассмеялась. Миха тоже улыбнулся. Приняла букет, как счастливый ребенок. В глазах не было никакого омота. Лишь искорки, которые Михе захотелось поймать. Фотография действительно вещь удивительная.
– Все-таки ты не совсем бандюга.
– Какая проницательность.
Выглянула из-за букета. Искорки чуть изменили цвет:
– Не надо надо мной смеяться.
– Не над тобой. Над смешным.
– Да на здоровье...
– Ты мне тоже понравилась.
– Я тебя прощу, если расскажешь про поэтический смысл. Ну, занимаюсь словом, тра-ла-ла-ла...
– «Тра-ла-ла» я не говорил.
– Ну, все же.
– А что тебя интересует? – Миха действительно был удивлен.

– Ну, пожалуйста.

Миха дотронулся пальцем до своих губ, – безмолвное «бла-бла-бла», – и сказал:

– Изучаю слово как способ и одновременно производную коммуникации. Обратную связь.

– В смысле?

– У меня только что вышел сборник эссе и стихов. Издание – закачаешься! Так вот, «закачаешься» – это обратная связь.

– Значит все-таки стихи.

– Эссе и стихи.

– Сними халат. Хочу посмотреть на твое тело.

– Разочаруешься... В качестве стихов.

– Пытаюсь понять, ты нарцисс или это защита...

– Не пытайся.

– Не буду. Меня влечет к тебе.

– Очень красивая родинка.

– Здесь?! Хм... – усмехнулась. – Синди Кроуфорд.

– Я тебя расстроил?

– Нет, но... Скажи мне, только честно: о чем ты мечтаешь? Пожалуйста.

– Да зачем тебе? – Опять искреннее недоумение.

– Пожалуйста.

Миха скинул халат, присел к ней на краешек постели. Погладил ее волосы. Она не поняла, что услышала в Михином голосе. Ей показалось – иронию.

– В детстве я мечтал увидеть живую Одри Хепберн в... в возрасте «Римских каникул». И сейчас иногда тоже. Перенестись на пятьдесят лет назад.

– Чего-чего?

– Была такая актриса.

– Да слышала. Тебе нравится?

– Я считаю ее совершенством. Лучшей женщиной всех времен, – Миха улыбнулся. Она вдруг увидела, какие у него длинные ресницы. Все еще улыбаясь: – Говорят, она была ангелом. И я в это верю.

– Хм... Э-э-м-м-м...

– ...

– Эй, ты еще здесь? Или видишь ангелов?

– Не знаю, для чего я тебе это рассказываю. Попросила...

– Я не об этом. Пусть ангелом. Просто... Мечта же должна хотя бы в принципе... ну, сбываться...

Миха очень мягко остановил ее:

– Мечта никому ничего не должна. Кроме того, кто ее мечтает.

– Мы можем не говорить, если не хочешь.

– Наоборот, – хотя он уже пожалел. И добавил, без эмоций: – Ты на нее немножко похожа.

– На твою актрису? – Она прильнула к нему. – В детстве я мечтала стать археологом. Потом, когда поняла, что с этим не складывается – фотомodelью. С этим вроде бы сложилось, да не очень. Понимаешь?

Миха кивнул. Он терпеть не мог подобных взаимообязывающих разговоров. И сказал:

– Это не страшно.

Она отстранилась. Он ее обнял. Весело и тепло. Игриво. Чуть пощекотал. Она хихикнула. Михаил сказал:

– Некоторым вещам вовсе не обязательно складываться так, как хотелось в детстве.

4. Цифры и машины

Ночь над Москвой.

...В светлое время суток мимо Михино дома, – десять-пятнадцать минут от центра, – за час проезжает 130 автомобилей BMW, то есть больше двух в минуту.

Ежедневно несколько миллионов молодых людей мечтают поселиться в столице и разъезжать по ней именно на BMW. Они зовут это авто «бэхами» или «бумерами».

На данный момент около пятидесяти миллионов человек посмотрели фильмы «Бумер» с одноименными авто в главной роли. Знаменитое немецкое качество и аббревиатура Баварских моторных заводов трансформировалась в России рубежа эпох в национальную забаву для быстрой езды. В принципе, у нас это должно звучать как «БМЗ», по аналогии, например, с «ГАЗом». Но эпохи заканчиваются. А старые игрушки и бывшие кумиры очень не хотят уходить...

Нас бы не интересовали эти статистические выкладки и мечты по прошлому, если бы мы сейчас не оказались во сне. Михином сне, где странный, слегка дребезжащий голос озвучил все вышеизложенное. Миха просыпается, повторяет: «Бэ-эм-зэ...»; в его голове все еще звучат обрывки этой бессмысленной лекции о рубеже эпох. Ему почему-то не нравится этот сон, он хочет погрузиться во что-то иное, и Михе это удастся. Он снова засыпает и видит удивительное место, от чего лицо спящего сначала становится безмятежным, а потом тихая радостная улыбка появляется у него на губах.

«А... Значит *здесь* рождается вся эта вода за окнами!» – догадывается во сне Миха.

Но есть и проблема: прежний сон не уходит насовсем, парит где-то рядом. Как старые игрушки или бывшие кумиры, которые не хотят уходить.

5. Этой же ночью

– Можно рассуждать о том, что есть свет – волны или частицы, – говорил Вася, а сам думал: «Ну хоть на этот-то раз удастся?» – Можно предположить, что он и то, и другое, и из этого мыслимого равновесия вывести гармонию, что он Бог. Или как минимум атрибут Бога. Как его гнев. Как Коран для мусульман. Но тогда Свет – лишь кирпичи. Сейчас поясню...

Рука Васи была уже на Таниной груди, но она то ли не замечала, то ли... это и есть Васин шанс, упускать который он больше не намерен.

– Понимаешь, это не ответ на наши вопросы. Мы же ничего об этом не знаем. Наше сознание приняло идею тяготения к свету в уже готовом виде, как фундамент, – с пылом рассуждал Вася. – И тогда Свет – лишь кирпичики, из которых наш собственный разум строит нашу же духовную Вселенную, только... Это все равно тюрьма! Потому что вопрос лишь в качестве кирпичей, – Вася видел место, к которому они приближались. Там было очень темно. А темнота, как известно, друг молодежи. – Мы же не можем с достоверностью сказать, существует ли Свет Изначальный. Мы даже не можем предположить, как он выглядит... Отсюда, кстати, столько модных в масс-культе спекуляций о вселенных смерти, о мирах тьмы...

Подобные алкогольно-космогонические споры были весьма популярны у студентов Московского гуманитарного университета (МГУ имени Шолом Алейхема). Этот, последний по счету, они затеяли часа три назад на кухне у Макса, выпив почти ящик дешевого шампанского. Молодые люди, видимо, по неопытности полагали, что утонченные интеллектуалки-подруги воспринимают эти споры как любовную прелюдию. Что удивительно, чаще всего – хвала взаимной неопытности – так оно и было. Теперь, когда Вася взялся проводить Таню, они продолжили спор вдвоем. Точнее, уже некоторое время говорил один Вася.

– Кирпичи – это, как ты понимаешь, всего лишь эвфемизм, – рука робко сжала Танину грудь, Вася сладко сглотнул, а Таня икнула – она прилично накирялась, – применимый лишь в том смысле, что нам совершенно по барабану, из чего состоят стенки иллюзии, в которую ты погружен. Помнишь, как в фильме «Матрица»? И проблема не в том, что где-то есть другая, более достоверная реальность, а в том, что наше существование возможно лишь в виде этих самых стенок...

«Блин, обидно-то как...»

Васе вдруг действительно стало обидно. Ему вовсе не улыбалось жить в стенке. Но вроде по логике его рассуждений выходило так. Вася даже несколько опечалился. Но тут на помощь пришел спасительный буддизм. Даже не столько на помощь – это могло стать изящным и впечатляющим завершением...

«Да, черт побери! – двинулась по спирали мысль Васи, – Буддизм, компьютеры и наркотики – этот суперактуальный психоделический микс действует безотказно! – чуть не прокричал вслух Вася, радуясь найденному рецепту, да вовремя спохватился. – Именно эту лапшу вешают на уши ультрамодные художники, писатели, режиссеры и прочие гуру масс, получая от всех остальных то, что им нужно!»

Вася знал, что ему нужно, – рука еще раз, теперь уже более настойчиво сжала Танину грудь. Было еще кое-что... В институте говорили, будто Таня заводится от буддизма. Правда, Вася не совсем представлял, что бы это могло значить.

Молодые люди на курсе делились на спортсменов и умников, «интеллектуалов», как любили самоопределяться последние. У многих из этих последних уже определились будущие круглые и толстые попки и будущее тотальное отсутствие мышц. Зато они блистали интеллектом, и еще больше – алмазами эзотерических путешествий – блистал их внутренний мир. На что они и ловили девушек. Спортсмены были тупы, денежны и прямолинейны,

как реклама зубной пасты. Но именно это – солнечные улыбки во все 32 зуба и накачанные туловища с шестью играющими квадратиками на плоском животе – было крючком, которым они вылавливали в девичьих глазах своих перламутровых рыбок. Причем, мать их, крючком весьма эффективным! Что, на взгляд Васи, было не то чтобы несправедливым, а скорее свидетельствовало о слабости и весомой плотской составляющей так называемой загадочной женской природы.

Таня обычно иронизировала над спортсменами и их легкодоступными девочками. В институте ее считали недотрогой. Вася же видел себя диким мачо с душой поэта, певцом-партизаном городских улиц, таким Джимом Моррисоном в постмиллениумной версии. Исходя из созданного автопортрета, Вася даже предполагал, что у них с Таней – рафинированной эстеткой из хорошей семьи – установилось что-то вроде духовной связи. За Таней многие пытались приударить, не без прицела на «хорошую семью». Вася тоже был бы рад выйти за рамки духовности и установить телесный контакт. Но все его попытки, кроме неопытных поцелуев, натывались на преграду ее рук и вечное девичье «не надо». Конечно, Вася не представлял себе, как кто-то может заводиться от буддизма, полагая это сплетней завистливых и злых на язык шутников, но сейчас ему нужно было заканчивать тему стенок.

И Вася закончил.

– Однако, – возвестил он, – помнишь, как злой демон Мара грузил Бодхисаттву?! Мара, как ты понимаешь, повелитель сансары, которой подчинены люди. И как Сидхартха Гаутама обломал его перед окончательным пробуждением?

Васе показалось, что Таня еще ближе прильнула, и задышала чаще...

– Люди, желающие достичь *другого берега*, спрашивают о царстве бессмертия; если они спрашивают меня, то я возвещаю, что концом всего является освобождение от *всякой* привязанности к бытию, – процитировал Вася, будто сам был свидетелем диалога злого духа и Просветленного.

Они уже достигли темного места. Чахлые скелеты деревьев в капельках весенней воды закрывали их от огней автострады Третьего кольца. С другой стороны аллеи сгущала тьму глухая стена бывшего советского универсама. Или кинотеатра. Вася вдруг вспомнил, как Макс хвастал, что у него рядом с домом месяц назад открылся крутейший шоу-рум по продаже «БМВ»... то ли самый большой в Европе, то ли в мире. То ли – Вася хихикнул – в воспаленном мозгу Макса. Освещенный фасад салона-универсама был выдвинут далеко вперед и смотрел на Третье транспортное, а здесь был мир задворок. И был этот запах...

– Под всякой привязанностью Будда Шакьямуни...

Вася не закончил фразы. А еще через мгновение забыл, что хотел сказать. Что-то про привязанность к бытию. В том числе и к той его форме, куда была устремлена сейчас Васина рука. Видимо, он пытался подвести Таню к тому, что поскольку все равно ВСЕ иллюзия, то, типа, давай, чего уж там, пора... На самом ли деле Вася собирался применить учение Просветленного в столь необычном аспекте, останется неизвестным даже для него самого. Потому как, едва выговорив слово «Шакьямуни», Вася услышал непривычно низкий Танин то ли выдох, то ли стон. И сразу же ощутил на губах влажные горячие Танины губы. Раскрывшись, огромные и пугающие, словно она хотела проглотить его. Или выпить. Или высосать. Вслед за губами последовал язык, и побежали мгновения самого страстного и откровенного поцелуя в Васиной жизни. Его рука стала путаться в застёжке, пытаясь добраться до возжеленной груди, но Таня сама быстрым движением расстегнула молнию на куртке.

Вася не верил, что это может происходить на самом деле. Он все еще не верил, когда она прижалась к нему низом живота с такой силой, что у Васи перехватило в паху. Больно и сладко. И грудь, Танина грудь, большая, упругая и горячая, была вся в Васином распоряжении, распроставшись и вобрав в себя его худую фигуру.

«Ничего себе, – с восторгом думал Вася, – точно, от шампанского девчонки сходят с катушек».

И конечно, он не обратил никакого внимания на то, что этот запах вокруг, запах спелых арбузов, усилился. Луна плыла в чистом ночном небе, полосы ее света лежали на аллее, по которой пришли Таня и Вася. И что-то там, в глубине аллеи...

Таня дышала так горячо и часто, что у Васи задрожала правая коленка. Его перевозбужденное сердце бешено колотилось, перегоняя сексуальные соки, рвавшиеся наружу. Таня сама расстегнула ему zipper на джинсах, и Васе осталось лишь проглотить ком, подступивший к горлу. В какой-то момент ему показалось, что он не сможет справиться с этой обрушившейся на него роскошью. А потом почувствовал ее руку на своем набухшем члене и замер. Она совершила несколько быстрых поступательных движений; Вася некоторым образом не в такт ответил, затем снова услышал низкий быстрый стон, когда Таня встала перед ним на колени. В такое везенье он уже совсем не мог поверить. Здесь... Сейчас... Таня?!

Этот невероятный растянувшийся миг ожидания оказался самым пронзительным и хрупким переживанием Васиной жизни. Самым большим кайфом. И когда там, внизу, он впервые почувствовал прикосновение ее языка, словно электрические импульсы пробежали по всему Васиному телу. Еще одно прикосновение... И Вселенная рухнула: Вася услышал собственный стон, когда то, что он именовал своим «дружком» (а порой и «Васяткой») поглотило влажное тепло Таниного рта. Невероятное раскрылось, заблистав всеми своими расточительными возможностями.

В глубине аллеи на полосу лунного света надвинулась какая-то тень. Словно луна спряталась за облачком. Только это было не так: в чистом ночном небе всюду сияли звезды, и облаков не наблюдалось. Подобная странная природная аномалия, возможно, и имела касательство к луне, но не столь прямое, как непосредственное захождение света за тьму, и уходила корнями скорее в науку мифологию, нежели в астрономию. Но по поводу этих двух наук, точнее, базирующихся на них разных взглядах на вещи, мачо-партизан Вася не раз высказывался, что «если даже трагедия имеет касательство к музыке посредством духа, то уж боги в виде космических тел, плавающих по нашему общему универсуму, явно этой музыкой не раз наслаждались и в состоянии отличить, какая из двух наук если не достоверней, то, по крайней мере, предпочтительней». Сейчас городскому партизану предстояло получить все, чем он любил поблистать, в полном объеме.

Происшедшее дальше повергло Васю в еще большее изумление. Таня покинула его. Подняла на Васю глаза, чуть не перепугав до полусмерти (вдруг передумала?!), а потом вобрала в себя его всего, до основания. Так глубоко Васе не делал никто.

Ничего себе!

От какой-то нутряной откровенности нового ощущения он испытал что-то среднее между шоком и ошалелой радостью. Вася сжал руки и подался вперед, ему показалось, что он может сейчас полностью перетечь в нее. Вновь услышал ее захлебывающийся стон, когда она опять быстро покинула, а потом вернулась к нему. Впилась в него, прижалась к Васиному паху губами, ухватив мачо за худые ягодицы. Предательская коленка снова задрожала, и еще сильнее, когда Танина голова скользнула вниз, угнездившись между Васиными ногами, и он понял: то, что теперь находится во влажной теплой воронке ее рта, – его яички.

«А-а-у-у...», – пропищало в Васином мозгу, хотя он хотел выдать (и вслух!): «Вау!». Однако эти звуковые регистры не отвлекли роскошную Васину женщину, сквозь чью неопытность, вождедая, он пробивался так долго, чтобы наконец получить то, что он сейчас получил: интервалы между захлебывающимися стонами сократились до коротких мгновений – Таня заводилась все больше.

Ничего себе – неопытная!

Сердцебиение, сладостный ком, застрявший в горле и не желавший рассасываться, коленка... Ритм покачивания, волосы, плен ее волос, сомнительные джунгли для хиреющего воина, паутина, сотканная паучихой... и Будда, Будда...

– Будда, Будда, – выдыхал вслух Вася, – Будда Шакьяму... Ой!..

И опять он не закончил фразы. Потому что *что-то*, божественное и карающее, черной небесной молнией обожгло ему задний проход.

(Ой)

И двинулось дальше – нежно, страшно... Дальше. С ужасом и восторгом Вася понял, что это ее указательный палец. С ужасом и восторгом, а еще – со смущенным любопытством. Анальные мышцы, защищаясь, сократились, но и она ждала.

Как? Что? Он должен довериться ей? Распластаться моллюском на алтаре перед ее всеведущим лоном?

Вася расслабился, и... Она двинулась дальше. Нанизанный на ее палец, Вася на мгновение заделался женщиной, стал андрогином, а потом...

Это был экстаз. Будда, Будда Шакьямуни. Нет в этом мире мужчин и нет женщин, нет света и нет тьмы, тепла и холода, ласки и боли, нет страданий и нет смерти, а есть Тело твое, Дыхание, явленное миру под именем «Милосердный свет», и мы, в высшем счастье растворяясь в этом свете, в сияющей любви, познаем, что нет ни Света, ни Милосердия, ни Мира, Высшего счастья, да и Познания нет.

...Вася и не догадывался, что какая-то крохотная часть его мозга была занята конструированием этой маловразумительной и крайне сомнительной молитвы. Распластавшись пятном блаженства, он знал лишь, что это лучший минет в его жизни. И даже почти не был смущен явной переменной лидера.

«Ничего себе, неопытная! – Вася подкатывал к критической точке восторга. – Да она прямо профессионалка!»

Это последнее слово, пролетев яркой ликующей кометой по краешку сознания, оставило темный след, природу которого Вася определили не сразу. Что-то, неожиданно родившееся внутри, попыталось опечалить его сердце, не позволяло радости сделаться окончательной. И через какое-то время Вася вдруг с удивлением обнаружил, что... ревнует. Даже не к чужому опыту, а к какой-то иррациональной тайне Таниной жизни. Ко всем тем *неведомым* и, собственно говоря, не имеющим к нему никакого отношения, с которыми она ТАК научилась. Ведь с кем-то она должна была научиться! И эти неведомые учителя совсем не оставили на Тане пятен порока. Сей отрадный факт, начавший волновать больше всего, неожиданно обдал холодком.

Вася даже несколько протрезвел. Или ему показалось, что протрезвел. Но что-то предательское кольнуло его сердце. И какая-то пелена (безоговорочного доверия?) явно спала с Васиных глаз.

(Бог мой. И это ЕГО неопытная недотрога, небесное создание... делает ему лучший в жизни минет?)

Со странным, смущающим его чувством Вася решил дотронуться до ее щеки. Но Таня быстрым жестом уклонилась от прикосновения. «Не мешай!» – шепнул Васиному сердцу взмах ее волос. И от этой четко обозначенной самодостаточности Вася почувствовал себя маленьким и беспомощным.

Тень в глубине аллеи накрыла еще одну полосу лунного света, словно она вовсе не нуждалась в расположении светил и была такой же самодостаточной, как и Васина подруга. Словно эта тень двигалась впереди какой-то другой Тьмы. Гораздо более густой и непроницаемой, чем эта ночь вокруг.

Вася продолжал трезветь. И его внутреннее ликование периодически сменялось смехом другого рода – в нем появилось что-то жалкое, униженное... Ну Танечка, ну ты даешь! Она чего, насмотрелась порно, или...

или

Вася глядел на нее, слушал, получал самый большой в жизни сексуальный кайф, и не понимал: что не так? Вот она перед ним, его стонущая девочка, и это так красиво; откуда же взялись уколы ноющей и все нарастающей печали?.. Откуда в сердце эта неопределенная, точнее – неопределимая тоска? Откуда отвращающее чувство потери?

Он что – ревнивый козел? Или мачо-партизан?! Он, может быть, влюблен? В фантом, который сейчас развеивался?

Всего этого Вася не знал. Он чувствовал лишь, что ее стоны адресованы как бы не совсем ему; словно он встал в очередь и вот теперь просто дождался; что-то очень тонкое, хрупкое, важное, что было между ними, сейчас заканчивалось.

И Вася вдруг понял, что не так. Определилось качество печали, вставшей между ним и радостью. Вася ощутил себя человеком, неожиданно обнаружившим, что его... провели. Надули. Предали! Наказали за доверчивость. Словно, подталкиваемый ускользящей нежностью, он снова захотел погладить ее. И снова Таня уклонилась от его руки:

«Не мешай!»

«Не мешай!»

«Не мешай!»

– вонзилось в сердце, и стоны, ее восхитительные, никому не принадлежащие (уж точно не ему!), любовные стоны... Вася ничего не мог с этим поделать: в каком-то странном смысле, в каком-то странном соревновании она сейчас обставляла его, только Вася не мог понять, в каком. Ущемленное мужество выплюнуло в его мозг спасительную ироничную фразу: «Блядь, кто кого ебет?!» Но это не помогло. Лишь попытка спрятаться сделалась очевидней. Как и ответ на только что поставленный вопрос.

А их духовная связь? Тайное значение слов? Их игры, как порхание бабочки вокруг цветка – будущего плода? А такое уютное ощущение Красавицы и Чудовища?

Вася только что получил то, чего желал и о чем мечтал больше всего на свете. И теперь не знал, что с этим делать. Потому что Таня была не с ним, Васей, а с его... х... Ладно, причем тут это, сегодня у нас вечеринка эвфемизмов... Таня была с миром мужчин. С мужиком. А он, Вася, живое существо с его трепетной душой, с его надеждами, чувством и страданиями, здесь абсолютно ни при чем. Он *сам* ей совершенно не нужен, и...

...И тогда сюда пришла Тень.

Всего лишь колыхнулся воздух, до предела насыщенный запахом спелых арбузов. Так всегда пахла весна, но... не совсем так.

Лучше бы Вася этого не делал. Лучше бы не поворачивал головы и не смотрел в глубину аллеи – никогда не следует оборачиваться. Колыхнувшийся воздух принес сюда не только запах.

И не только выпуклая, как долька сыра или как буква “D”, плывущая в ясном небе луна оказалась свидетельницей Васиных любовных утех. Потому что они были здесь больше не одни. Именно эта четкая и пугающе-абсолютная уверенность вывела Васю из киселя его невнятных ревнивых раздумий. Там, в глубине аллеи... Васе показалось, что там странным образом сделалось темнее, чем вокруг, и это «темнее» продолжало сгущаться. Вася поморгал, потряс головой, сглотнул ком, подступивший к горлу: где-то он читал, что страх и эротическое возбуждение порой вызывают схожие физиологические реакции – сейчас Вася об этом забыл. Забыл обо всем на свете, а лишь всматривался в перечеркнутую полосами размытого лунного света аллею. Стало как-то очень тихо. Ни птиц, ни звуков города.

Что-то не так

Вася потряс головой – глупости. Но... И снова сглотнул. Ведь такого не бывает, ведь это все... Вася вглядывался в неясные тени как замороженный – там... но что это? Пелена?

И тоскливо вдруг сделалось Васе. Да так, что все недавние сомнения и переживания показались нелепыми, смешными. Он бросил взгляд на Таню – девушка ничего не замечала. И вовсе не догадывалась, что там...

Вася почувствовал, какими неожиданно слабыми стали его руки.

Там, там... откуда они пришли

Какая-то шершавая волна холодком поднялась по спине, заставляя шевелиться даже самые крохотные волоски: клубящаяся, словно дымчатая тьма встала в глубине аллеи. Но кошмарным было другое. Оно случилось чуть позже. Примерно через мгновение. Когда эта тьма... придвинулась.

«Ма-ма-а, – панически пропищало в Васиной голове. – Мне что, плохо? Обморок?» Но следом пришло другое: надо немедленно валить отсюда! Там что-то есть, и обморок здесь ни при чем. Валить, а потом разбираться – глупости, не глупости!

Конечно, мысль здравая, да было уже поздно. И странным образом Вася знал, что валить, собственно говоря, ему некуда. Мглистая пелена будто начала наливаться, как поспевающее черное яблочко. Что-то было там, в теле ночи, и оно приближалось. Что-то непереносимо кошмарное, чуждое; а если и оставалась у Васи надежда на спасение, то заключалась она лишь в одном: на него не обратят внимания. Еще с почти экзальтированной покорностью Вася успел подумать, что, может, ему повезет, может, он успеет потерять сознание прежде чем... увидит это.

А потом из набухшей тьмы, словно она выплюнула его, появился... автомобиль. Вася даже не сразу поверил своим глазам – *просто* автомобиль. Его сердце все еще продолжало бешено колотиться, хотя градус накала Васиных эмоций упал почти до нуля. Бог мой, он совсем рехнулся?! Испугаться автомобиля. Обычной черной (или хрен знает какой – ночью все серые) тачки. Машины! Да еще пересрать так, что был готов... Очень подозрительная шальная улыбочка начала растягивать Васиные губы. Затем это мимическое действие замерло, оставив на лице мачо маску рассуждающего тугодума: обычная черная тачка, ну едет себе ночью... Вася сглотнул – или... необычная? Что-то с этим автомобилем было не так. Тачка крутая, скорее всего, да, точно – BMW (Макс же говорил про шоу-рум); бумер, черный Бумер, ну и?

Защитные механизмы уже включились, нагнетая шкалу страха до предела, а глаза все еще не могли распознать несоответствия.

«Боги небесные! – вспомнил Вася забытые строки, чувствуя возвращение прежней ватной слабости. – У всадника нет головы!»

Вот, вот в чем дело. В этой тишине. Ни звука двигателя, ни даже шуршания шин по мокрому асфальту. Автомобиль двигался в абсолютной тишине. И хоть мотор, фары, габаритные и прочие огни могли выключить, Вася знал, что это не так. И дело даже не в отсутствии уклона, по которому авто могло катиться на нейтральной. Просто... не надо ничего отключать. Эта тишина, как и ощущение угрозы, исходит от него – фешенебельного черного авто. И в этой тишине таится что-то невозможное, словно там заканчивается мир, и веет лишь непререкаемо-конечный могильный холод.

Автомобиль, черный Бумер, знай себе неспешно катил по аллее. И даже бледного размazanого света луны хватило, чтобы Вася смог увидеть, различить —

У всадника нет головы! —

в роскошном, сверкающем новизной лимузине не было никого. Вообще никого. Ни водителя, ни пассажиров, ни даже беспечной пьяной парочки, трахающейся на заднем сиденье.

Именно в этот момент Вася захотел потерять сознание и очутиться дома, в своей постели, и проснуться после дурного сна. Но не тут-то было – здоровые юношеские организмы вынесут и не такое! Васе пришлось смотреть, как абсолютно пустой Бумер поравнялся с ними (Васе показалось, будто какое-то черное облачко то ли окутывало лимузин, то ли исходило из салона; но когда такое случается, на органы чувств особо полагаться не станешь), а потом... Нет, он продолжил движение, но и... словно бы остановился, всего на мгновение. Васина челюсть давно отвисла, и вообще, роль деревенского дурачка ему сегодня удавалась на все сто. А Бумер проехал мимо. И дальше Вася видел: докатив до конца аллеи, лимузин повернул, двинулся в направлении салона-универсама, выполнил правый разворот и покатил вверх по подиуму, скрывшись на пару секунд за фасадом шоу-рума. Вася поморгал – тишина ушла, Танечка продолжала активно стонать. А Бумер появился снова: выкатил из-за фасада шоу-рума, блеснув отраженными огнями Третьего транспортного кольца, и двинулся по дебаркадеру в сторону пребывающего в ступоре городского партизана. Вася тихонечко заскулил, но роскошный BMW остановился у грузовых ворот. Если бы рот Васи открылся еще шире, нижняя половина лица просто бы отвалилась. Потому что грузовые ворота стали медленно открываться. Странная ассоциация промелькнула в Васином мозгу, Билибинская иллюстрация и возвращающаяся под утро Баба-Яга; не комичная мультяшка, а вот та – пересекающая границу мертвых. Вася не успел ухватиться или осмыслить эту ассоциацию, он пялился на черный Бумер, который собирался въехать на свою стоянку в салоне и... заснуть? До следующего раза? Васе не было отведено времени на размышления: фары Бумера дальним светом ударили Васе прямо в лицо, правда, быстренько, словно деликатно, свет сменился на обычный. И Вася, блестящий мачо-партизан, пророк шампанского, Света как кирпичей мироздания и карающей оральной любви, услышал голос Бумера. Так, наверное, Моисей беседовал со своим Богом. Этот мощный утробный Глас звучал внутри Васи, но не в его голове, сердце или ушах; он словно бы рождался во всем его существе, во всем его материально-духовном существовании, заброшенном куда-то сюда, в расколдованную ночь.

«Срун ты, а не мачо-партизан! – сказал ему Бумер. – И честно говоря, только мудак может столько рефлексировать из-за минета. Развел Достоевщину... Ты всего-навсего мерзкий мелкий собственничек, ни хера не понимающий в Любви, и тебя расстроило лишь то, что твоя демонстративная бравада разбита сейчас в пух и прах».

– А я что, я вот... – хотел вымолвить Вася, да не смог.

«Позволяй вещам случаться.

Не задавай лишних вопросов.

Размножайся».

И фары выключились.

«Да... – снова услышал Вася, – и держись этой телки. Блядь – это не конец. Это самое начало!»

И фары, словно на прощанье, моргнули пару раз. Бумер, резко развернувшись, вкатил в грузовые ворота. И те стали медленно закрываться.

Именно в эту минуту Васина психика не выдержала. Он начал терять сознание. Но перед тем, как погрузиться в спасительное небытие, он услышал Танин голос:

– Ну, наконец-то ты кончил, котик.

Апрель. Вторая декада: Одри Хепберн и другие

*В пене шампанского строю дворец,
Плаваю в хохоте бледной луны,
Вечный вампир извращенных сердец,
Прыгаю в пропасть кипящей волны.*

6. Мама Мия: разрыв цепи

I.

Черная-черная старуха идет по черному-черному коридору... Как мы ее назовем...

Фюить.

Черная-черная старуха подходит к черной-черной двери...

Ф-ю-и-ть.

Многие истории нашего детства так и остаются в том времени, где случились. Вне зависимости от того, хорошие они или плохие. Чаще всего потом они все равно кажутся хорошими. Или даже счастливыми. Уж почему все устроено подобным образом, непонятно, только часто бывает именно так. Со многими историями.

Но не со всеми.

Да... не со всеми. И проблема тут не в старом нудноватом венском профессоре и его фрейдистскими заморочками. Иногда все выходит гораздо проще. Буквальной. Как в истории с Мамой Мией. Можно сказать, почти что прямо.

II.

Миха-Лимонад швырнул плитку шоколада «Риттер» на низкий журнальный столик. Квадрат молочного шоколада с цельным миндалем проделал в воздухе дугу, отразив в глянце обертки ярко-цветные стены, заскользил по стеклянной поверхности и остановился у края.

– Ну, да, мама, – ответил Миха в трубку мобильного телефона, – конечно, мамуля... Да...

Разговаривать с матерью в пол-уха было привычным делом. Что не мешало той солировать, пребывая в уверенности, что она – участник активного диалога. Просто надо дать ей выговориться, время от времени вставляя короткие реплики, а уж если они в тему, вообще замечательно.

Миха готовил себе суп из морских гадов. Крем или пюре, хотя названия не важны. Отварил морской коктейль и равную часть брокколи. Слил капустную воду и половину бульона от морепродуктов; оставшийся бульон добавил в брокколи и сбил все в блендере. В полученное пюре положил отварных морских гадов. Помешал. Соль, чуть специй... И выжать половину лимона. Очень вкусно, сверхполезно и, главное, быстро, – обычно на приготовление сего питательного варева уходило 15–17 минут. После тренировки не стоит есть ничего плотного. Собственно говоря, первые два часа не стоит есть вообще ничего. Да и потом питаться по минимуму. Тогда жировые складки проявятся очень нескоро. Свое тело

надо любить. И ухаживать за ним. Другого все равно не будет. Выходит, оно – твой самый близкий друг.

– Ну, мам, меня не было всего неделю... Ну, да, конечно, ты права...

Так... суп готов. Теперь его лучше накрыть и дать настояться минут пять – вообще пальчики оближешь. Какое замечательное слово – жратва! Особенно, когда *ты сам* руководишь взаимодействием между ней и своим организмом. Есть более пресное слово – еда. И это от лукавого. Человеку в день достаточно плошки супа. Нет, йогическая горсть риса в неделю – совсем другая тема. Любому человеку, обычному. И чем разнообразнее она будет, тем лучше. Но количество все равно прежнее – плошка.

– О, ничего себе! – вставил Миха своевременную реплику.

Плошка супа, остальное – от лукавого. Нервный жор, страхи, раздерганность, самый прямой и быстроедейственный способ получения непосредственного удовольствия. И все – человек попал! Еда – Ее Величество жратва! – становится способом нивелирования постоянного стресса. И пошло-поехало: диеты, калории и свисающие пласты жира вдоль туловища. Чем забиты мозги?! Нервными знаками: «мне это нельзя», «я на диете», «так, а сколько здесь калорий?», «нельзя, но... если только сегодня», «а, катись оно все – у меня такая конституция», «чего уж тут подделаешь», «не поем горячего – зверею»... Отсутствие подлинной внутренней активности – и плюшки, плюшки, плюшки... Влюбленные не обжираются. Как и идущие на Эверест. Им это ни к чему, они заняты более интересными вещами. Их дух беседует с радостным и свободным от нервного голода телом. О, сколько радости дарит вам такое тело! Тогда-то вы начинаете понимать толк в жратве. Право побаловать себя седлом барашка с брусничным соусом или хорошим стейком с красным вином абсолютно легитимно. Съешьте хоть целого омара или казан плова. Если ваш ум принял идею достаточности плошки супа – вы непобедимы. Потому что все ваши фэт-проблемы есть атака вашего же собственного беспокойного ума. Выключите этого засранца, он мешает вам наслаждаться жизнью. Не спасайтесь тем, что при такой работе, таких нагрузках надо хорошо кушать. Не надо! Отбросьте костыли. «Сижу не жрамши» великой балерины – вот и вся история про нагрузки. Только фэт-атака началась еще раньше: этот засранец уже покрыл жирком комфорта вашу душу, фальсифицировав подлинные желания и притушив ваш огонек. Камон, бэйби, лайт май файер! Иначе вас ждет либо взрыв, либо превращение в дремлющий кусочек мяса. Оба варианта унылы и потому неприемлемы. Так что выключайте! Седовласый учитель, которого Миха очень уважал, водил его когда-то по высокогорным перевалам, и они брали с собой лишь плитки шоколада и айран. Он и рассказал Мике о плошке супа. Более того, как человек абсолютно рациональный, учитель привел и практичный довод – это выгоднее: небольшое количество качественной еды стоит меньше килограммов дешевой колбасы. И Михин сегодняшний суп тому доказательство. Так что и финансовые костыли отброшены, за несостоятельностью. Примите эту идею – станьте непобедимы. Позвольте вашему телу, между прочим, единственному по-настоящему верному другу, одарить вас радостью. И – приятного аппетита!

«Неплохое вышло эссе о... – Миха усмехнулся, – медитативном воспитании ума? Не иначе, – Миха бросил взгляд на плитку шоколада „Риттер“. – Такой вот хитроумный первый шаг к выключению внутреннего монолога...»

– Ты меня не слушаешь?

– Почему, мам, слушаю.

– Ну, вот, я ему и дала твой телефон. Не мобильный, конечно, а автоответчик. Как ты разрешил.

– Спасибо.

– Ты б перезвонил ему. Все-таки твой детский друг. Сколько вы не виделись-то?

– Давно.

– Вы же у меня здесь росли. Чертенята. Ваша троица была неразлучной. И прилично нас всех помучила.

– Это правда, мама.

– Ванечка Икс, а еще Игорек... Как вы его звали, Джон? Джонсон?

– Да, Джонсон.

– Все хотела тебя спросить, почему вы придумали себе такие странные прозвища?

– Теперь уже никто не помнит.

– И почему перестали видаться? Как-то вдруг?

– Этого тоже никто не помнит. Просто.

– Икс... он... что... говорят, крепко закладывал? В смысле, выпивал?

– Я не знаю, мам. Даже сплетни уже быльем поросли. Это правда было очень давно.

– А Джонсон твой молодец. Опять журнал вон с ним на обложке. И опять открыл новый ресторан.

– Да, он молодец.

– Ладно... Рада, что ты хорошо съездил. Выберись к нам с отцом, мы ведь скучаем.

– Я тебя целую, мама.

– Я тебя тоже, мой мальчик.

Телефонная линия разомкнулась. И даже привычных коротких гудков не последовало – мобильная связь.

Миха снова бросил взгляд на плитку шоколада у края столика, рядом с автоответчиком. Судя по показанию дисплея, за неделю скопилось уйма сообщений. 23, что в сумме дает 5. Привычные цифры, перебравшиеся сюда из детства. Миха дотронулся рукой до виска – перед глазами промелькнуло что-то... Что-то на периферии внутреннего зрения. Неуловленное и... странным образом неприятное.

Мама не совсем права. Неразлучной была не троица. Их было четверо. Еще – Будда. И, конечно, самое странное прозвище – у него. Только тогда, очень давно, взрослые наложили на это негласное табу. И неразлучной стала троица. Миха подумал, что если б дело происходило в романе, конец их дружбы был бы обозначен моментом, когда пропал Будда. Как обычно в книжках. Только на самом деле, все было не так. Они еще дружили несколько лет. Несколько лет почти счастливой до пронзительности мальчишеской дружбы. Как будто ничего не случилось. И вот справляться с этим было самым сложным.

Миха утопил клавишу «messages» автоответчика. Последовал длинный сигнал – сейчас он прослушает оставленные сообщения.

Не менее странными были их игры. Одни Незримые Автобаны Джонсона чего стоили. Или – Темные линии... Миха улыбнулся, но быстрая складка тенью залегла у переносицы: Темные линии – пугало детей-провидцев из фантастических фильмов... Интересно, что бы они все делали, если бы Будда тогда у всех на глазах не сел в поезд? Что бы они потом делали, взрослые, с их табу? Потом, когда выяснилось, что это не совсем игра. Вернее, совсем не игра.

Складка-тень расправилась. Включился автоответчик. Побежали накопленные сообщения. Миха весело проговорил «О-у-у!», услышав голос своей новой знакомой. Смешная... Подумал, что пора заняться эссеистски обоснованной плоской супа.

Сообщение от Икса оказалось пятым по счету. Станным образом, это не удивило.

– Мих, привет, – прозвучало после нерешительной паузы, и Миха подумал, что человек, сказавший это, то ли смущен, то ли... не очень хотел бы сейчас звонить. – Это Иван Лобачев, если помнишь такого. Ну, в общем... Икс. Я, – говоривший словно бы устало вздохнул, – телефон у матушки твоей взял. Сколько не виделись-то? Да... Я знаю точно – семнадцать лет. Вот. Слушай, тут... – и снова вздох, – дело есть одно. Это... Это очень важно. Ты

извини за беспокойство, но... Позвони, в общем. – Икс всегда отличался умением мямлить. – Значит, домашний прежний, но я напомним, и мобильный...

И Икс продиктовал телефоны.

«Если помнишь такого?!» – Миха пожал плечами: надо ж было так отмочить!

Семнадцать лет

Миха подошел к окну, продолжая слушать автоответчик – сугробы исчезали прямо на глазах, снег чернел, и запах, там, на улице...

После школы Икс загремел в армию. И студент второго курса МГУ имени Ломоносова, который еще никому не был тогда известен как «Миха-Лимонад», да и не собирался вытворять ничего лимонадоподобного, пришел к Иксу на проводы. К тому времени от их детской дружбы ничего не осталось. Собственно, и на проводы-то он забежал на часок, торопился на студенческую вечеринку. Тогда тоже была весна. Так же ошалело морем – или арбузами – пах апрельский ветер. И вот, оказывается, прошло семнадцать лет.

Электронное устройство продолжало свою работу, сообщая Михе, кто звонил в его отсутствие. А Миха смотрел на улицу. Роскошный лимузин, BMW седьмой серии, ждал его под домом. Можно сказать, у подъезда. Миха купил себе «Бумер». Именно черный. Что было вызывающе провинциальным, и потому обладало неоспоримым шармом. Миха вдруг вспомнил, как седовласый учитель, правда по другому поводу, сказал однажды, что не только стилевые, но даже вкусовые предпочтения отравлены бациллой постмодерна. Типа, мир остывает; и одним из явных признаков дефицита внутреннего огня является все более нарастающая фальсификация этим миром самого себя. Миха, наверное, так об этом не думал, просто весело – черный... Черный Бумер, вот и вся мечта.

Фю-и-и-ть

Сегодняшняя плошка супа вышла замечательной. Можно сказать, отменной. Миха-Лимонад выловил маленькую осьминожку – *pulпитос*, как говорят в странах Девы Марии последние из оставшихся хранителей тайного огня («Учитель прав?» – с усмешкой подумал Миха.), – начал не спеша, с наслаждением ее жевать. В этом мире много морей. И где-то там, на затерянных архипелагах, открытых лишь магической географии, переливы гитары, мачете, алчущие безжалостных рук, и босоногие певицы... гитаны с губами цвета окровавленного солнца, танцуют свою меренгу в закатной бронзе влюбленного сердца. Ох-ах... Сердце – единственная проекция подлинности в мире иллюзий. Миха когда-то знал язык, на котором говорит сердце.

Фю-и-и-ть

Сегодняшняя плошка супа вышла замечательной. А последняя запись на автоответчике также оказалась от Икса. После длинного гудка и шершавого молчания (опять на периферии внутреннего зрения промелькнуло *что-то* явно сулящее, в соответствии с заветом старины Ницше, разладить отношения Михи с его пищеварительным трактом) прозвучало:

– Мих, привет, это снова я, Икс, – теперь паузы стали короче. – Ты б перезвонил все-таки, разговор важный. Извини за беспокойство, правда, не хотел вас дергать...

Паузы стали короче, и в голосе Икса появилось что-то... Нервозность? Нет, не совсем. А Икс тем временем продолжал:

– С Джонсоном пытался связаться, но... Старик, нам необходимо встретиться. Я... – помолчал, словно решаясь. – Я видел кое-что. Это... Честно, долго не хотел звонить. Думал, колбасит меня *одного*; всяко было, ну и... ты, наверное, и сам знаешь – керосинил крепко. А главное, давно все в прошлом, и точка! Так я себе и говорил. Но... Миха, ты у-м-м... Послушай, ты еще иногда, – Икс словно сглотнул, собираясь выговорить следующее слово, хотя Миха уже и сам понял, каким оно окажется, – *вспоминаешь*? Только пойми меня правильно, я...

Нет, не совсем нервозность. Даже не страх. Нечто другое, приходящее после страха. И, чего уж скрывать, Миха-Лимонад, известный в детстве как Плюша, очень хорошо знал, чем бы это могло быть. Голос Икса сорвался:

– Я не сумасшедший!.. Или мы все тогда были сумасшедшими. Мне необходимо с тобой увидеться. Потому что это... – И голос Икса зазвучал ровно. С почти безразличной покорностью. – *Это* снова вернулось.

7. www.deaddrivers.ru

Лейтенант дорожно-патрульной службы Свириденко очень увлекался Интернетом. Иногда он даже подумывал, не поменять ли ему род занятий, да уж больно хлебным был пример старших товарищей по службе. С другой стороны, пример этих молодых интернет-гуру, создавших гуглы и амазоны, был куда более хлебным, роскошным, почти сказочным, и в сравнении с обрушившимся на них золотым дождем эти «Мерседесы»-дачи майоров-сослуживцев, это стояние на раскаленной трассе в сорокаградусный зной или в лютый холод, когда не спасали ни валенки, ни овчинка, выглядели жалким убожеством. Да, молодые гуру Интернета выуживали алмазы королей из неоновой прохлады киберпространства, все это так, но... то у *них*. И потом – никаких гарантий.

– Никаких гарантий, – пробубнил лейтенант Свириденко, прикидывая, останавливать ли ему «С-3 Ситроен» с барышней за рулем, и решил плюнуть на это дело.

Сейчас он стоял на посту ГАИ МКАД и втягивал легкими ночной весенний воздух в смеси с маслами и отработанными выхлопными газами. В общем-то, жизнь складывалась не так уж плохо, на хлеб с маслом ему хватало, а Интернету он сможет уделить все свободное время, которого тоже пока хватало. Кому-то повезло меньше, – лейтенант поморщился, – намного меньше. На их пикет отбуксировали четыре тачки после сегодняшних аварий, вряд ли хоть какая из них подлежала восстановлению, а в одном случае водитель, так сказать, «склеил глазки» – труп. «Груз-200» – маркировали они в армии; намного меньше.

– Свириденко! – окликнул его старшой, майор Дягилев. – Ворон ловишь?! Не забудь, сегодня проверка.

– Да помню.

– Нам этих твоих интернет-штучек не надо! – И Дягилев кивнул за пост, где на стоянке пикета стояли четыре теперь уже развороченных груды металла.

Лейтенант Свириденко усмехнулся: никаких Интернет-штучек на их пикете пока не происходило, да и вообще...

– Никаких гарантий! – почему-то чуть мечтательно произнес он.

– Чего?

– Э-э...

– Пойди, проверь, как там дела.

– Ладно.

Черный BMW, шикарная семерка, был разворочен в хлам: машину, наверное, несло метров семьдесят, и каждое мгновение она со всех сторон получала удары, пока не смялась в уродливую гармошку. Свириденко покачал головой: как такое вообще возможно на МКАД, где практически исключены лобовые столкновения? И, конечно, невзирая на все подушки, шансы у водителя стремились к нулю, а если еще был непристегнутым, эти подушки его и убили. Так или иначе, водителя из BMW извлекли без признаков жизни.

– Никаких гарантий! – вздохнул Свириденко, и глаза его сузились. – Это ж как надо гнать?!

Он смотрел на останки черного BMW, в сохранившихся глянцевых кусках поверхности которого все еще отражались огни автопотока, и ощущал нечто странное. Мутно-туманное, необоснованное возбуждение (по крайней мере, обоснование явно лежало в туманно-сумеречной зоне) в смеси со все нарастающей тревогой: вот эти искореженные куски железа некоторое время назад убили человека, а теперь... в них осталась жизнь? Или они медленно умирают, засыпают, потеряв внимание тех, для кого были предметом гордости и самоуважения, мечтой, жупелом, целью в жизни, понтами, комфортной респектабельностью и предметом зависти? Где он, рай или ад машин, есть у них свой бог, принимающий еже-

минутные кровавые жертвы, или это все стихийно складывающаяся статистика, пустая и механическая, оживляемая лишь нашими фантазиями? И что происходит внутри этого сайта www.deaddrivers.ru, что хотят сообщить его создатели? А вдруг они...

– Вдруг они его *сами* создали? – пролепетал Свириденко, глядя на развороченный автомобиль. – Тачки?!

Перед глазами почему-то промелькнул кадр американского мультфильма про живые авто. Лейтенант покачал головой. Кошмар, видел бы кто его: сокровенно-торжественно бормочет всякую чушь. Догадки профана; это примерно так же, как выводить из слова «еврей» слово «Европа», что делал в армии один еврейчик, неведомо как туда попавший. Нет, лейтенант Свириденко явно слишком увлекся Интернетом. И...

Станный звук вывел Свириденко из оцепенения внутреннего монолога. Неприятный и пугающий, будто железом по стеклу или...

(опять кадр из мультфильма о жизни автомобилей)

Свириденко, хлопая глазами, уставился на разбитый BMW. Звук явно донесся оттуда. Лейтенант склонил голову: а что здесь, собственно говоря, такого? Вряд ли там что-то... осталось, скорее всего это так называемая память металлов; некая деталь могла попытаться выпрямиться, вот, к примеру, эта сложившаяся передняя стойка; отсюда и скрежет.

– Черный бумер, черный бумер, – вдруг пропел лейтенант и тут же осекся. – Никаких гарантий, – добавил он слабеющим голосом.

Свириденко стоял, все более пристально вглядываясь в BMW, и понимал, что даже не эти кошунственные козлино-шальные нотки, прозвучавшие в голосе (совсем неожиданно, надо отметить) напугали его. Потому что...

– Но этого не может быть, – пролепетали молоденькие губы лейтенанта.

Передняя стойка с левой стороны, пару минут назад скрюченная в бараний рог, теперь была ровной. Или почти ровной. Но, может, это была правая стойка?! Она-то вон все еще торчит и... Глаза Свириденко снова захлопали, а губы, обескровившись, начали неметь: вся левая дверь выглядела по-другому. Как будто авария не была такой страшной или кто-то успел немножко поработать над дверцей. Свириденко замер, отключился от звуков МКАД, слушая тишину, царящую в черной пустоте мертвого BMW. Что-то еле уловимое, какой-то гул, но... нет. Ладно, на фиг все, всякие мультфильмы, нет никакого гула и никакого скрежета. Может, он чего перепутал, лево-право, у Свириденко никогда не было фотографической памяти.

Лейтенант вздохнул. Пропел:

– Эх-ма-а! Ну, никаких гарантий...

Все в порядке, надо просто сделать еще один обход и возвращаться на пост. В принципе, эти воры-шутники... Интересно, как скоро об аварии появится что-то в Интернете?

Лейтенант снова вздохнул, теперь веселее. Фигня все это, мультфильмы... и, конечно, он уж слишком увлекается всей этой писаниной интернет-авторов, как кто-то их прихлопнул, обозвав «словоизвержением мастурбирующих дилетантов». Правда, веселые авторы веб-страниц тут же спросили строгого критика, мол, он что, онанист-профессионал?

Лейтенант Свириденко хихикнул, успел сделать несколько шагов, сам не замечая, как начал насвистывать незнакомую ему мелодию из старого фильма «My Fair Lady», и тут протяжный металлический стон за спиной заставил его вздрогнуть. Словно темным ветром похолодило лейтенанту спину, и ноги чуть было сами не понесли его прочь. Свириденко смог обуздать мгновенный импульс – все же он человек военный – и обернулся.

Первой мыслью стало, что авария действительно не была такой уж страшной.

(но человек погиб)

Колеса, сход-развал, шаровая, мать твою... Развороченный передний бампер все еще свисал, касаясь земли (совсем недавно весь передок машины «лежал на брюхе»), но

стойки... Обе передние стойки были прямыми и какими-то слишком уж... новыми в свете красной прибывающей луны. Неправильно, ненормально новыми, будто происшедшая катастрофа и не коснулась их вовсе. Будто... Лейтенант Свириденко с трудом разлепил ссохшиеся губы:

– Он изменился...

Губы лейтенанта теперь хлюпали, то открывая, то закрывая узкую щелочку, словно у рыбы, выброшенной на песок. Лейтенант Свириденко смотрел на лобовое стекло и чувствовал, как пересыхает его горло. Какой бы плохой ни была фотографическая память, только... Еще совсем недавно скрюченная сеть лобового стекла была зажата меду вмятой крышей, вздыбившимся капотом и бараньим рогом передней стойки. Теперь лобовое стекло находилось там, где ему и положено, но было ровным и чуть выпуклым, только разбитым. Правая половина лица лейтенанта конвульсивно задрожала, хотя Свириденко никогда не жаловался на нервный тик: только что в неверном, лживом свете луны по паутине разбитого лобового стекла пробежался серебряный лучик, сверкнули грани, и ячейки паутины стали значительно крупней.

– Га-ра-ра-ра-н-ний, – Свириденко все же удалось сглотнуть. Он потряс головой и быстро зажмурился. Когда его глаза оказались снова открыты, лейтенант дорожно-патрульной службы Свириденко понял три вещи:

1. Авария действительно была очень сильной, с летальным исходом, но разбитый BMW менялся словно... словно *оживал* после смертельной болезни.

2. Он не просто менялся. Пока тут лейтенант зажмуривал глазки, автомобиль явно чуть выкатился вперед, словно припавшая к земле и готовая к броску бешеная собака. Выкатился от линии трех других разбитых машин и теперь нес в себе угрозу, перекрывая, отрезая путь Свириденко к отступлению.

3. Первых двух пунктов не может быть. Просто не может существовать.

– Никаких гарантий! – выдал против воли Свириденко его беспокойный ум.

Но тут же организованный военный характер лейтенанта заставил его действовать. И первой спасительной мыслью (мозг в то же мгновение дал команду ногам пятиться бочком и обходить разбитый BMW) стала следующая: «Надо немедленно свистать хлопцев, рассказать парням, что за хрень тут творится!» Правда, она же, эта спасительная мысль, стала и последней.

– Сам ты собака бешеная, – услышал лейтенант мощный голос. – Стоять, не двигаться!

Это был безапелляционный приказ, направленный, минуя собственно Свириденко, прямо в мозг, который тут же подчинился: ноги, словно ватные, застыли. Лейтенант, дико озираясь, поискал источник столь странного звука, (успев подумать: он что, разговаривал сам с собою вслух?) но вокруг никого не было. Да и звук вроде шел из ниоткуда, просто был везде, и все тут.

– Если хоть что-то кому-то расскажешь, самое мягкое, что я тебе гарантирую, это психушка! Понял, Свириденко?

Мозг заставил губы раскрыться и покорно произнести:

– Да. – Свириденко похлопал глазами, – наверняка он думал вслух, – и добавил, – так точно!

– А теперь вали отсюда, мудака из мультика!

– Куда? – словно телевизионная кукла спросил Свириденко.

– На дорогу, служительюшка закона, за взятками. Бабло-то собираешься зарабатывать? Или так и будешь всю жизнь на Билла Гейтса драть?

Эта хамоватая речь даже странным образом успокаивала, свидетельствуя о том, что здесь без фокусов не обошлось, но те, кто стоял за ними (уж Свириденко-то знал, что

это ребята из www.deaddrivers.ru), могли быть опасными, могущественными и опасными, потому что всегда действовали точно, прямо и не оставляя следов.

Поэтому лейтенант Свириденко предпочел ретироваться и даже подавил услужливую попытку мозга отчеканить: «Слушаюсь, ваше благородие». И как только лейтенант дорожно-патрульной службы скрылся за углом постовой будки, в свисающем переднем бампере BMW что-то зашевелилось.

Примерно через тридцать секунд майор Дягилев спросил у Свириденко:

– Ну чего, как там?

– Все в порядке, – ответил тот.

Дягилев посмотрел на него внимательней:

– А чего такой бледный? Отравился чем?

– Все в порядке, – злобно повторил Свириденко и показал полосатую палочку первому же попавшемуся автомобилю потока.

А еще через час, когда приехал проверяющий – крупнозвездный полковник, – Свириденко снова пришлось пройти за будку пикета, где стояли четыре аварийно-битых автомобиля. И оказалось, что у них проблема. Трое взрослых мужчин – лейтенант, майор и полковник – не обнаружили главного виновника сегодняшнего переполоха: BMW с летальным исходом. На его месте была пустота, черная и объемная, как знак абсолютного, зияющего отсутствия.

– О! – нервно усмехнулся Свириденко. – Спиз... – и осекся: слишком уж высоким был проверяющий.

– Спionерили! – пришел на помощь майор Дягилев, заставший советские времена и обожавший советские анекдоты.

– Ну-ну, – сухо резюмировал проверяющий, – готовьте рапорт. – И совсем уж строго и сухо добавил: – А может быть, и жопы.

Едва сменившись и оказавшись дома, лейтенант Свириденко включил компьютер и быстренько набрал www.deaddriverds.ru.

Новость была уже в Интернете. Все в порядке.

– Спionерили, – ласково улыбаясь мерцающему монитору, проговорил Свириденко.

8. Мама Мия (первая тень)

I.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы Миха-Лимонад понял, что это за образ такой мелькает у него на периферии внутреннего зрения. Эти клочья седины в густых черных волосах, и... Он недоверчиво усмехнулся – все еще не обманывают предчувствия. Миха сделал странный жест, словно попытался рассуждать сам с собой, но, придавленный давно забытой тяжестью, все же осел на стул.

– Вот оно как... – Он посмотрел на окно, где внизу, у подъезда, ждал его Бумер. – Старая карга решила вновь напомнить о себе. – Миха перевел взгляд на автоответчик, который показывал, что на сегодня для него сообщений больше нет. – Не забывает данных обещаний.

II.

Миха смотрит: летний кинотеатр в приморском парке, чинары и раскидистые южные сосны, на ветвях которых устроились безбилетники. Парк очерчен белым, словно римским, портиком с балюстрадой, за ним узкая насыпь железной дороги, а дальше – море за семь горизонтов, так и оставшееся самым синим на свете. В воздухе полно огромных южных жуков: тогда для каждого из них было свое название, сейчас Миха их не помнит. Они снова заявили посмотреть фильм с Одри Хепберн, на сей раз – «Римские каникулы». Их четверо, они лучшие друзья, и им по двенадцать лет.

Грегори Пек, нищий журналист, и Одри Хепберн, принцесса, прощаются навсегда. Это на экране. А еще гремит поезд, проходящий в сторону Москвы, придавая моменту дополнительное очарование. У Михи и Будды глаза мокрые, а у Икса нет. Он курит, говорит:

– Все уже, конец. Порыли по парку прошвырнемся.

– Подожди, – останавливает более уравновешенный Джонсон, – еще не все.

Конечно, не все. Впереди самое главное – прощальный взгляд, которым обменяются Грегори Пек и принцесса. Ее прощальный взгляд.

Поезд отгремел, фильм закончился. Мир огромен и великолепен. Нам еще расти и расти, и мы все станем суперстарами.

Там, где железнодорожные пути сворачивают от моря, чтобы обогнуть консервный завод, на невысоком каменном утесе стоит дом, построенный немецкими военнопленными. Окружающие его белые глинобитные домишки обветшали, – городок после землетрясения стал разрастаться в других направлениях, – но этот еще ничего. Словно соленые ветры, несущие колючий песок с пляжей, ему нипочем. Не нужно особого воображения, чтобы представить его мрачным замком, повисшим над пропастью. Миха смотрит: даже сейчас не нужно.

В доме живет Мама Мия, выжившая из ума старуха, над которой потешается весь городок. Потешаются, да, но маленьких детей от нее прячут – с глаз долой. Таких достопримечательностей было, собственно говоря, две – еще древний дед Мардахай. Он тоже на все расспросы либо счастливо улыбался, либо насылал проклятья. Но, в отличие от Мамы Мии, спал, где придется, и лишь зимой, когда курортный городок окутывала ледяная тоска, находил себе кров. Потом старый дервиш Мардахай пропал. Поговаривали, оказался шпионом, мастером конспирации и полковником американской разведки. Его побрали в порту, когда он проводил какие-то измерения. И привет.

С Мамой Мией вышло по-другому. Миха смотрит: совсем по-другому.

III.

– Мама, мне страшно! Кто это?

– Иди ко мне, мой маленький. Не бойся, – Миха тут же оказывается на маминых руках. – Глупая бабка напугала моего мальчика... Плохая, вредная старуха...

Напугала – да, но не только своим видом. Она что-то сказала ему, только Миха не может вспомнить, что. Ему пять лет.

Миха смотрит: детям часто снятся кошмары. Вполне возможно, что первый ему приснился именно тогда.

IV.

«Мама Мия, Мама Мия», – звучит ворчливым речитативом. Все вокруг начинают смеяться, Миша-Плюша оборачивается.

– О-о! Мама Мия пожаловала, привет! – говорит кто-то. С такой жадной доброжелательностью разговаривают с малыми детьми, или, как Миха поймет позже, с умалишенными, от которых жди представления. – Чем пугать будешь? Землетрясение, а?!

– Цунами, в натуре.

– Не, эта... как его... торнадо!

Речитатив... Во дворе появилось нечто, какое-то пугало во множестве цветастых, как у цыганки, юбок и в вязаной шерстяной кофте с длинными рукавами. На дворе июльская жара. Кофта вся в дырках, – впрочем, как и юбка, – застегнута на разные пуговицы. Солнечный китайский зонтик, часть спиц сломана, и грибок зонтика раскрыт волною. Котомка из джинсовой ткани; руки грязные, под ногтями чернота. Почти седые волосы торчат в разные стороны, но на макушке сбиты под соломенной шляпкой.

Миха смотрит: такой его память впервые зафиксировала Маму Мию. Три года назад она лишь напугала его, оставшись темным неразгаданным пятном. Сейчас ему восемь.

Речитатив...

– Эй, а где ты взяла такой зонтик? Не продашь?

Вокруг веселье, Миха пытается поддаться общему настроению. Спрашивает:

– А почему она – Мама Мия? Как в песенке «Аббы»?

Он играет в шахматы с отцом Мурадки, дружка-соседа. В свои восемь Плюша уже обыгрывает взрослых мужчин.

– Ну... – Тот отвлекся от партии. У него загорелая шея, пышные усы и печальные глаза; курит папиросы «Казбек» из плоской картонной пачки. – Кинотеатр «Темп» есть? – То ли спрашивает, то ли констатирует он.

– Знаю, – подтверждает Плюша кивком головы.

– Кино такое было. Аргентинское, кубинское...

– Мексиканское, – подсказывает Мурадка.

– Кто его разберет, – отмахивается отец. – Короче, там все так говорили. Ходили в-в-о-о-о-т в таких сомбрерах, – он разводит руки в стороны, – с такими кинжалами...

– Мачете, – снова подсказывает Мурадка.

Отец смотрит на него строго:

– С гитарами, короче, и вот это вот говорили – Мама Мия... – И он переставляет фигуру, делает Мише-Плюше шах. – Вот она и ворчит без конца, как в кино. Так, тебе шах.

Но шахматная партия перестает волновать Миху: с ней все в порядке, до мата строгому Мурадкиному отцу осталось несколько ходов, – он смотрит на старуху.

– Мама Мия, гляди, какой гаечный ключ – велосипедный! Махнешь на шляпку? – предлагает кто-то.

Старуха лыбится беззубым ртом:

– Шляпу мою захотел?! Миллион стоит! У тебя есть миллион?

– А мой ключ – два миллиона! Тебе пригодится: винтики подкрутить, – говоривший вертит ключом у виска.

Все снова смеются. Мурадкин отец вместе со всеми.

Плюша хочет тоже как-то поддаться старухе, влиться в общий лад, но остроумие на сей раз ему изменяет; из-за этого Миха сердится и молчит. Где-то в голове идет совсем другая работа, и память блокирует центры удовольствия и веселья.

Миха смотрит: возможно, про центры удовольствия он выдумал лишь сейчас. Из-за того, что произошло дальше. К превеликому восторгу собравшихся, Мама Мия, полоумная старуха вдруг... запела. Конечно, это не совсем точное определение тому пронзительному визгу, который понесся над двором:

– Я танцев-а-а-ть хочу! – орала старуха, и в обнимку со своим зонтиком исполняла сногшибательную версию танго. Ей начали хлопать, надо же – с городской сумасшедшей пытались танцевать лезгинку. Только вошли в раж, как веселью был положен конец: Мама Мия подхватила ребенка, младшую Мурадкину сестренку, и начала кружить с ней. Перепуганная девочка даже не пыталась вырваться, а Мама Мия взяла ее чуть ниже талии, и малышка сильно отклонилась назад. Все еще хлопали, когда Миша-Плюша зажмурился: дерево, пирамидальный тополь, и голова девочки – кровавое месиво...

Миха отирает неожиданно выступившие на лбу холодные капельки пота – ничего не случилось. Ребенка у нее уже отобрали. Мурадкина мать:

– Старая дура! Катись отсюда! – Она гонит со двора Маму Мию. – Пошла прочь!

Но в голосе женщины нет беспокойства. Так гонят назойливых бродячих собак, за которыми, конечно, стоит присматривать, чтоб они чего не стащили...

– Эй, детей трогать нельзя! – говорит Мурадкин отец.

Старуха обиженно смотрит по сторонам.

– Давай, иди, иди отсюда.

– Иди подобру-поздорову.

И она идет – подобру-поздорову. Достает из котомки большой кусок серого хлеба, грязные пальцы держат за мякушку, судя по всему свеженадкусанную. Плюша не сводит глаз с приближающейся старухи, ей надо просто пройти мимо.

– Иди-иди, Мама Мия.

Но старуха останавливается. И внезапно протягивает Михе свой хлеб.

– На, – говорит она ласково.

– Не хочу, – отвечает Плюша, как в полусне. – Спасибо.

– На. Вкусно.

– Не хочу, – говорит Миха твердо. И чуть отодвигается. Словно уловив этот жест, Мама Мия наклоняется к мальчику.

– Видел, да?

– Что? – не понимает Плюша.

– Видел, как об дерево?

– Я не... – Плюша замолкает. Он чувствует, как бешено у него начинает колотиться сердце – такое сердцебиение у него впервые в жизни. Мама Мия делает еще шаг, пытается

заглянуть мальчику в глаза, словно зовет, зовет куда-то, но Плюша лишь вжимает голову в плечи, отодвигаться от старухи.

– Вкусный хлеб. Вкусный мальчик.

– Отстаньте от меня! – Миха вскакивает. Еще чуть-чуть, и он ударит ее, старую безумную нищенку.

В тени виноградника дремлет огромный пес, доживающий свой век, древний волкодав. Сейчас он открывает глаза и безучастно наблюдает за происходящим.

– Ладно, – слышит Плюша голос Мурадкиного отца, и время снова втискивается в привычные контуры; голос звучит совершенно беззлобно. – Иди отсюда, старая ведьма.

Старуха в капризном замешательстве, ей указывают на выход; старуха начинает хохотать, но на нее уже цыкают всерьез, и городской сумасшедшей ничего не остается, как убраться восвояси.

– Дайте хоть монетку, – говорит она напоследок, – пять копеек на десять копеек...

Ее все выпроваживают, но денег перед выходом дают. Старый волкодав, спавший в тени виноградника, поднимается и трусит за старухой.

– Мишутка, ты чего так перепугался? – доходит до Михи. Добрая Мурадкина мама обнимает его за плечи, и кто бы знал, как ему сейчас нужно это прикосновение. – Ты чего, сынок, а?!

И она вдруг делает что-то странное: откинув рукой Плюшины волосы, три раза плюет ему в лоб.

V.

Ночь. И Миша-Плюша знает, что темный силуэт, отделившийся от стены – это Мама Мия. Сейчас главное – не открывать глаз, но глаза, скорее всего, открываются сами: старуха стоит возле постели. Бледный лунный свет выхватывает из полумрака лицо, которое неожиданно кажется гладким, словно восковым.

– Ты отказался есть мой хлеб, – говорит старуха и отрывает часть себя, кусок правого бока. – Посмотри...

Она протягивает Плюше руку, и это действительно оказывается пахучий серый хлеб. Пахучий, будто только что из печи, но что-то в этом запахе...

– За это ты отдашь мне самое дорогое, – предупреждает Мама Мия. – Сам отдашь.

Она подносит руку ко рту и начинает есть свой хлеб, свою собственную плоть, она жует ее и становится все более голодной, ест и чуть ли не давится, и произносит с набитым ртом:

– Или я съем тебя.

Она жует: вкусный хлеб, вкусный мальчик. Жует: сам отдашь! Сам!

Миша-Плюша плачет, кричит и... просыпается. Это всего лишь сон, дурной сон. И кричал он почти беззвучно, а на глазах всего одна слезинка.

Раннее утро, над морем плещется рассвет. Галдят птицы, ветерок в кронах тополей. А потом восходит солнце.

VI.

Больше Мише-Плюше не будут сниться кошмары про Маму Мию – эти безобидные детские страхи, над которыми мы все посмеемся, – по крайней мере, в ближайшие четыре года.

Миха смотрит: черная-черная старуха, детские страшилки... Тогда так никто и не сообразил, что землетрясение она предсказала довольно точно. Почти день в день. На рассвете, когда из-за моря вот-вот начнет вставать солнце.

Тогда, да и позднее много о чем никто не сообразил. И если с диких пляжей, где проходили лучшие месяцы Плюшиного детства, и можно было увидеть домик, построенный немецкими военнопленными (например, если случайно обернуться), то легкая тень, вроде бы вставшая над ним, быстренько рассеивалась. В ближайшие четыре года Миха не увидит во сне Маму Мию. Она словно ушла из его головы, став, как и для всех, обычной городской сумасшедшей. Словно ждала чего-то.

Миха-Лимонад смотрит (а что ему остается?): она действительно ждала, когда он затащит сюда, в любимый городок детства, где проходили летние месяцы, своих лучших друзей. Любовь одаривает нас множеством уязвимых мест...

Сам отдашь! Сам!

Она ждала не знакомых здесь еще никому, даже самому Плюше, мальчиков из далекой северной Москвы. Особенно одного из них. Так ждут поспевающего урожая, неторопливо и заботливо ухаживая за каждым колоском, пока не приходит день жатвы.

Интермедия № 1. Бог

I.

Когда-то он был богом. И в своей неподвижности наслаждался, наблюдая за полетом бабочек. Потом он собрал ладонями светящуюся пыльцу с их крыльев и образовал сферу.

Красота сферы восхитила его.

Он приблизил уста к переливающейся, искрящейся синевой оболочке сферы и сделал нежный выдох.

И стал Мир.

II.

Море бьется о скалы, и седая пена взлетает так высоко, что почти касается стен немецкого домика, где живет Мама Мия. Четверо мальчишек сидят на берегу и строят планы: им по двенадцать, поэтому планы их очень серьезные и очень бесстрашные.

– Мы сделаем две поджиги, – говорит Будда. – Трубки подходящие нашел.

– И еще возьмем кнут, – добавляет Миха. – У Мурадкиного отца есть – из селения привезли. Я уже договорился.

– Его с собой не берем, – тревожится Икс. Ему, Иксу, делают уколы, 40 штук, а то взбесится, как покусавшие его собаки. – Разболтает! Ваш Мурадка...

– Решили же, – успокаивает его Джонсон. – Слышь, старик, ты чего-то много паришься, мож уколы не помогают? Ой, да у тебя чего-то пена изо рта...

– Да пошли вы! – Икс трет задницу. – Жопа болит... А стрелять чем будем?

Миха и Будда переглядываются.

– Дробь нам в «Охотнике» продадут без проблем... – начинает Миха. – А заряд можно из спичек сделать.

Будда качает головой:

– Не-а... Видели, в магазине «Садовод-любитель» удобрения продаются? Калиевая селитра, сера и добавить древесного угля из любого костра – это и есть порох. Дело в пропорциях.

Будда и Миха снова переглядываются: нехорошо что-то скрывать от своих друзей, но как им скажешь... Особенно Иксу. Даже Миха не вполне уверен, может, Будде просто померещилось. Ну, или... не совсем померещилось.

– Смотрите! – восхищенно говорит Джонсон. – Какая красавица...

Огромная волна врзается в скалу, пенный фонтан воды вметается вверх, и веер брызг все же достигает ближайшей стены дома, построенного немецкими военнопленными. Дома, – и четверо мальчишек теперь в этом уверены, – в котором поселилось зло.

9. Икс читает знаки

Икс проснулся среди ночи. Тьма отступала. От нее остались лишь липкий пот и какие-то бессвязные обрывки: балаганная, вроде бы ярмарочная музыка, но играли на расстроенных инструментах, и монотонный механический голос: «Добро пожаловать в Страну чудес!». Все эти звуки уносил сейчас ветер за окнами.

Икс поднялся, чуть пошатываясь, побрел на кухню. Не включая света, чиркнул спичкой, та отсырела, пришлось воспользоваться еще одной. Закурил. Сделал несколько глубоких затяжек, в голове немного прояснилось. Ему, конечно, стоило быть более внимательным. Да только растерял Икс бдительность за эти несколько относительно счастливых лет. Ну, или, по крайней мере, спокойных лет. Когда всерьез появилась надежда, что все в жизни налаживается. Ему удалось соскочить с Темной линии, и дальше он сможет двигаться по собственному разумению. Такое было ощущение, такая родилась надежда. Оставались лишь сны, плохие сны. Но с этим-то Икс давно научился справляться.

Только... Следовало быть более внимательным. Еще осенью мог бы обо всем догадаться. Осенью, когда всю Москву облепили афишами мюзикла «Mamma Mia». Тогда он и увидел... Осенью. И зимой, бесснежной и темной, как его сны.

Икс заварил крепкого чаю, прежде заклеив огонек индикатора электрочайника непрозрачным скотчем (так, на всякий случай), закутался в плед и придвинул стул к кухонному окну. Свет он включать не стал; более того, вторую подряд сигарету «Ява Золотая» Икс спрятал в «кулачке» – и этот огонек светить не стоит. Может, ни к чему все это, может, так у людей и начинается паранойя, но... береженого Бог бережет. Хотя где уж тут сберечься: если Икс не ошибается, те, от кого он пытается сейчас схорониться, прекрасно видят в темноте. Я прибыл оттуда, детка, из Тьмы, с изнанки, с темной половины, dark side of the moon – не хочешь прогуляться? И незабвенный «Pink Floyd» исполнит нам прощальный марш, потому что твое небо погасло, неба больше нет, а inferno – вот оно, welcome. Так они пели в незабвенном детстве и юности? Икс сглотнул – херня все это. Все в свое время во что-то играли, а потом вырастали из этих штанишек, и все у них складывалось нормально. Никто ни за что платить не должен – все это лживая херня!

Все же Икс поежился, кутаясь в плед, и понял, что выпить ему хочется нестерпимо. Бутылка беленькой – фуфырик, – такая холодная, непочатой ждала в холодильнике с последнего запоя. Но Икс держался. Доставая из холодильника ненавистный кефир или колбасу, он делал вид, что ее (фуфырик) не замечает. Хотя он о ней, конечно же, прекрасно знал, знал, что она рядом, – так, на всякий случай, если вдруг колбаснет. Его и колбаснуло. Только бухло здесь оказалось ни при чем. Более того – запотевший фуфырик беленькой выглядел сейчас спасением. Но Икс все еще надеялся, что ему удастся держаться дальше. И даже заставил себя полюбить кефир. И лошадиные дозы крепкого чаю. Да что там говорить, смешно, но он начал жрать мороженое, как в детстве, и тоже в лошадиных количествах. Сахар, глюкоза, кофеин и бушующий в жилах огонь, адское пламя, кровь, принимающая все эти заменители вместо хрустальной, на длинной ножке, запотевшей и такой вкусной рюмки водки, которая разом смогла бы погасить пожар и вернуть на место голову. Расставить все по своим местам в этом захламленном чердаке. Но Икс держался, хватаясь за эфемерные надежды и наивные оптимизмы (выражение Михи! – и Икс грустно улыбнулся), хотя обида в его сердце была столь же глубокой и хронической, как и бушующий в крови голодный пожар. Икс держался. Пока еще дела обстояли так.

Первые знаки (если это, конечно, были знаки – из захламленного чердака трудно различить) появились осенью. По крайней мере, первые *надписи* появились именно тогда. Это

случилось рано утром, когда, выйдя из подъезда, на глухой стене дома напротив (той самой, куда он сейчас пялится из окна) Икс увидел:

ИКС + МИХА + БУДДА + ДЖОНСОН = ДРУЖБА = НУ, МЫ И ЗАЖГЛИ! = НУ, НАС И ВШТЫРИЛО!

Икс стоял, ощущая на щеках прикосновение холодного колючего ветра и, раскрыв рот, смотрел на надпись.

Надо отметить, к тому времени Икс пребывал в уверенности, что ему удалось справиться с алкоголем. После двухлетней жесткой завязки Икс позволил себе бокал шампанского. С мамой. На Новый год. Это была первая проверка – Икс не запил. 23 февраля бывший десантник Икс все же решил пропустить. Однако на 8 марта они с мамой выпили по паре бокалов вина. До тотальной бухни в день ВДВ в парке Горького все же не дошло, но Икс объявил, что собирается выпить немного водки. За все, что было, за братишек. Мама очень волновалась, но нарезала салатов и сварила холодец. Икс надел голубой берет и вышел к столу. Братишки в это время жгли вовсю, купались в главном фонтане ЦПКИО. В тот вечер парни немножко покрушили обывательские челюсти. Икс выпил ровно три рюмки водки и продолжать не стал. Не рванул жечь к братишкам – просидел остаток вечера у телевизора. Он справился. Мама не могла нарадоваться. Чудовище, если оно и было, либо сдохло, либо впало в летаргический сон. Будить его Икс не собирался.

Ну, нас и виштырило!

А потом пришла осень, прозрачная и свободная от всяческих чудовищ, и в ней было столько солнца, что Икс почувствовал себя почти счастливым.

– Бабье лето! – огляделся Икс, словно впервые пробуя это выражение на вкус, и даже немного ощущая себя той самой бабой, которой жизнь дает взятку в виде этих утешительных прекрасных дней, еще вроде и не тронутых позолотой окончательного угасания.

Темных линий больше не было. Нет, они по-прежнему незримо автобанами опоясывали землю, но к Иксу это больше не имело отношения. Темные линии оставались в снах, сходились в некоей Стране чудес, куда призывал механический голос. И все это было фальшивкой.

– Черт побери, да я свободен! – с удивлением сказал себе Икс.

Жена ушла давно, еще до «завязки». Все правильно, кто же станет жить с алкоголиком? И потом, эти ранние браки с неверными подружками детства такие непрочные... Но было еще кое-что: бабы до хрена чего чувят. Икс это знал. Они чувят темную линию, даже не подзревая о ее существовании, даже самые безмозглые, и чувствуют тех, кто по ней движется.

Смешно сказать, но еще сравнительно недавно (или целую жизнь назад?!) Иксу сулили неплохую карьеру в интернет-бизнесе. По крайней мере он, абсолютный дилетант, неожиданно обнаружил, что считается весьма перспективным веб-дизайнером. Страстное желание рисовать пробудилось в нем давно, в год, когда пропал Будда, и долгое время было единственной нитью, связывавшей его с друзьями детства. С тремя мальчиками, которые изменили его жизнь и которых он никогда не забудет.

(Они бросили его! Оставили Икса одного!)

Долгие годы беспросветного пьянства, когда вокруг не было ничего, кроме... темной линии, старой подружки, еще одного чудесного дара их солнечного детства.

Талант к живописи, правда, оказался весьма скромным. Вряд ли Икс как художник имел какие-либо шансы. Если бы не новые технологии. М-да... если бы не компьютерные возможности, он, наверное, рисовал бы афиши в провинциальных кинотеатрах. Хотя все это чушь и полная пурга! Пардон, мадам, вы сильно заблуждаетесь: у Икса с детства были золотые руки, он обожал возиться с железками и даже еще сейчас, мог бы стать неплохим автомехаником. В каком-нибудь салоне «Toyota» или BMW. Возможно, это было бы для него лучшим выходом. Возможно, и сейчас еще не поздно. Сейчас, когда кто-то зовет его: «Икс, Икс,

проснись!» Зовет, словно шепчет, и еще что-то, смутным, болезненным воспоминанием, про «большую волну, когда Будда»...

Икс встряхнул головой. Он что – чуть не уснул на своем наблюдательном посту? Сигарета, спрятанная за пальцами, истлела, но не погасла – значит прошло не больше минуты. Все же, все же... Икс в три глотка осушил кружку чаю и отправился заваривать следующую, покрепче.

Где-то года за полтора до завязки бедствовавшему и начинавшему с катушек Иксу наконец повезло: он встретил дружка-приятеля и благодаря ему нашел работу в модной дизайнерской студии. Икс выложил свои лучшие произведения. Люди поморщились, но взяли его. «Пока на подпевки», – как выразился дружок-приятель. Они считали его работы несколько мрачноватыми (пардон, мадам, здесь вы снова заблуждаетесь: это лишь темные отсветы, и не приведи вам Господи увидеть лицо подлинной тьмы), но оказалось, что и на это есть спрос. Нашлась своя ниша – немало психов в этом шизеющем шоуобществе хотели поиграть в героев черных горизонтов. Икс стал оформлять людям сайты. Небольшой вначале круг его клиентов медленно и стабильно рос. Кто-то делал софт-порно, Икс выдавал на-гора софт-тьму. «Готический жесткач», как говаривали его работодатели. Замечательная тема для алкоголика, увязшего в своем движении по темной линии: не забывайте делать зарисовки по пути, так сказать, вести с передовой!

Дружка-приятеля Икс, конечно же, встретил в пивнушке. Тот опохмелялся недалеко от его дома в обществе невообразимо огромной дамы, настоящей великанши, прямо женщины-башни. Она не была толстой, просто очень большой – плоское лицо, могучие ляжки и ягодицы, обтянутые летним сарафаном.

– Что смотришь? – сказала женщина-гигант Иксу, которого мучило похмелье. – Присаживайся. Чего, колбасит? – и она хмыкнула низким грудным рыком. – Да не бойся, присаживайся. Считаю меня баскетболисткой.

– Ожившей статуей, – хихикнул ее спутник. Она посмотрела на него ласково, и он добавил: – Горной тролльчихой, – поднял указательный палец, – тамошней королевой.

Икс поморгал, провел языком по сухим губам. Подумал, что по-модному одетый кавалер великанши балансирует между радостью растворяющегося похмелья и близким алкогольным нокаутом. Что тот немедленно продемонстрировал: обняв как-то сбоку даму-гиганта (на миг в затуманенной голове Икса промелькнуло, что перед ним нечто вроде дикой версии Мадонны с Младенцем), он восторженно объявил:

– Какая роскошная гора женского мяса!

Королева троллей все так же низко и булькающее загоготала.

Икс присел. Через пять минут они уже стали «не разлей вода». По крайней мере, до конца вечеринки. Напились втроем. Им было очень весело.

Так у Икса появился дружок-приятель.

Так в жизни Икса появилась Люсьен. Кстати, она не была баскетболисткой. Работала бухгалтером в известной IT-компании, в дизайнерскую студию которой уже совсем скоро устроится Икс. А дружок-приятель подвизался там в должности креативного директора. Должность эта, как также совсем скоро поймет Икс, являлась абсолютной фикцией. Только это было неважно. «Мы состоим из наших снов, реальность – из фикций», – говаривал дружок-приятель. Он мог себе позволить доморощенную философию, он не сомневался (в отличие от издерганного Икса) и, как ни странно, в его устах многие вещи выглядели правдиво. А все было просто: головная фирма принадлежала его отцу. Как и контрольный пакет крупного оператора сотовой связи. Как и пакеты, посты и кресла в правлении пары десятков других известных компаний. Отцу и двум старшим братьям – победители всегда правы. Братья выросли в настоящих бизнесменов, надежду и опору стареющего «папашки». А дружок-приятель, как в сказке, – «третий вовсе был дурак».

Эта первая вечеринка стала будто матрицей их дальнейших взаимоотношений и, как множество последующих, помнилась смутно.

– Пиво – отстой! – заявил дружок-приятель. – Заснем.

– Да, лучше выпить беленькой, – поддержала Люсьен.

– Заметьте, граф, дама хочет водочки! И мы, как потомки древних северных воинов, кшатриев, не вправе ей отказать...

Великанша разулыбалась, ей почему-то нравился его треп.

– ...отказать в, не побоюсь этого слова, метафизическом напитке русской души, квинт-эссенции и агенте нашей загадочной Земли-Матушки.

Он весело перевел дух, хотя Икс смотрел на него оторопело, и добавил:

– Эх, водочка, водочка! Ласковый пиздец, который подкрадывается незаметно.

– Точно подмечено, – не без тоски сказал Икс.

– Аминь, уроды! – сказала Люсьен.

Икс тут же пригласил всех в гости, благо мама была на даче, на шести сотках, куда Икс так и не доехал.

– Видите ли, граф, бытовое пьянство – первый шаг к алкоголизму, – пожурил дружок-приятель. И потащил всех в ресторан. Икс запротестовал: давно был не при деньгах. Люсьен пихнула его в бок:

– Будь спок! – шепнула она. Кулак у нее действительно оказался каменный – не зря королева троллей. – С баблом порядок. А с похмела надо хорошо пожрать.

В ресторане Икс танцевал. Впервые за много лет. Они втроем лихо отплясывали лезгинку в обществе изумленных кавказцев.

– Хачи обалдели от Люсьен! – хвалился дружок-приятель. – Она пьяная в сопли, а двигается, как лань. Ну... правда, очень большая.

«Хачи» действительно обалдели от Люсьен. Их глаза были печальны. Но мужественные сердца бились в предвкушении роскоши. Видимо, *гора женского мяса* действовала на них несколько иначе, чем на утомленных жителей мегаполиса. Да и вообще вся их троика смотрелась нелепо и странно: ну что общего может быть у румяного, уже чуть оплывшего креативного директора с наклонностями метросексуала, асоциального маргинала, явно люмпен-алкаша и женщины-башни? Катастрофа, которая с ними произошла, не читалась на их довольных лицах. Правда, пресловутые северные воины спали в обоих кавалерах мертвым сном и были не в состоянии оценить достоинств великанши; спали, да еще пьяно похрапывали.

Потом Люсьен расчувствовалась. Заявила, что у нее есть *своя* песня. Лет двадцать назад, когда она не была такой большой, а просто очень высокой, некий юноша, ставший впоследствии известным, посвятил ей песню. Лучшую на свете.

– Ну все, граф, началось! – закатил глаза дружок-приятель. – Графиня всплывает в последнюю стадию: плач Ярославны под трек номер пять. Здравствуй, бред!

– Зачем так говорить? – обиделась Люсьен. – Эта песня – все, что у меня есть.

– У тебя еще есть я! – парировал дружок-приятель.

Великанша, печальная королева троллей, пожав плечами, извлекла из сумочки CD, и там под пятым номером действительно значилось: «Колыбельная для Люсьен».

– Видишь? – говорит дружок-приятель. – Пребывает в уверенности, что это про нее.

– Пожалуйста, – попросила Люсьен, – пусть поставят. И хорош на меня наезжать.

Иксу показалось, что она сказала: «не надо меня обижать», но, наверное, это было бы слишком. В смысле – слишком личным.

– Трек номер пять, – объявил дружок-приятель, забрав пластинку и направляясь к музыкантам. – Воспоминание о первом оргазме.

– Вали отсюда! – сентиментально ухмыляется Люсьен. – Че-е, завидно?

– Это было землетрясение! Прикинь: гора кончала...

– Говорю ж: завидно!

Дружок-приятель хоть периодически и подначивал великаншу, но почему-то выполнял все ее капризы. Природу их взаимоотношений Икс поймет намного позже, когда будет уже ничего не исправить.

Трек номер пять зазвучал. Это странно, но на какое-то время в ресторане стало тише. Словно люди перестали разговаривать, словно все захотели, чтобы женщина-гигант послушала столь важную для нее песенку. Песенку-колыбельную, способную утешить.

«Спи-и-и, Люсьен, – полился из динамиков чувственный баритон Александра Ф. Скляра, – Спи-и-и, засни, забудь про свою беду».

Песня оказалась красивой и действительно юношеской. Там было еще что-то про Млечный путь и что-то про звезду. Люсьен сидела с мокрыми глазами.

Потом они двинулись дальше.

«Show me the way to the next whisky bar», – говорит информированный и незамолкающий дружок-приятель.

Боулинг оказался ошибкой. Люсьен чуть не разнесла кегельбан-автомат, и их вежливо попросили вон.

«Свиньи!», – говорит Люсьен...

Дальше смутно: еще несколько заведений, и везде звучит колыбельная для Люсьен.

Лестница в полутемном подъезде. Короткое просветление: Икс обнаруживает, что они все же бухают на его кухне – привет, бытовое пьянство! Не только бухают, оказывается, еще и рассматривают его работы – привет тебе, Тьма! Дружок-приятель рассуждает про писсуар и про Марселя Дюшана. Мол, после него художник перестал интерпретировать мир, а начал творить его, объявил себя богом. И сам попал в эту западную, оказавшись дряхлеющим демиургом, творящим в предсмертных галлюцинаторных конвульсиях. Икс думает, что такой херни в жизни не слышал. У Люсьен стеклянный взгляд и застывшая улыбка человека с перебитым позвоночником. Они пытаются дотащить великаншу в комнату Икса и уложить в постель; она вырубилась, отправилась в свое горное королевство, исчезнувшее задолго до ее рождения. Дружок-приятель заботливо укрывает даму-гиганта пледом. Когда раздастся первый храп, он склоняется над великаншей и то ли шутливо, то ли печально пропевает ей утешительную песню:

– Спи-и-и, Люсьен. Спи-и-и, засни-и. Забудь про свою пизду.

На кухне горит свет, ночь за окном, запотевшая рюмка водки.

Икс просыпается: оказывается, он вырубился под боком у Люсьен. Дружок-приятель храпит в комнате мамы. Икс снова проваливается в беспокойный сон и словно сокращается в размере, становится маленьким. Щенком в логове волчицы, слепым сосунком рядом с огромной матерью. Нет, эта гора живой плоти много больше, она тянется в разные стороны, как горные хребты, она огромный дракон, и Икс спит под ее защитой. Потому что вокруг – Мир мертвых. Икс прижимается ближе к Люсьен и дрожит. Мертвые пока не знают о нем, они еще не обрели имя, но уже скоро, скоро... Что-то, звучащее странным, почти равнодушным зовом, зовом без надежд и обещаний (только ты все равно откликаешься и идешь) даст им имя.

Икс сиротливо всхлипывает: почему все так вышло? Почему мир вокруг умер? А как же?.. Что случилось с солнцем наших обещаний? Почему так бессмысленно?..

Волна еле уловимого, бесцветного вздоха проходит по выстроившимся друг за другом в унылые бесконечные линии мертвым. Печаль этого места загорается темной надеждой. Вот и все. Икс съезживается в маленький комочек. Он не должен оборачиваться. Не должен. Не должен! *Что-то* уже совсем рядом. *Что-то*...

Икс просыпается в холодном поту. Звонил телефон.

– Долго спишь! – раздается в трубке абсолютно бодрый голос. – Ты где должен быть? На десять договаривались.

– А-а? – отвечает Икс.

Это дружок-приятель. В доме нет никаких гостей. Все чисто, прибрано. Потом выяснилось – стараниями Люсьен.

– Так, быстро, – продолжает дружок-приятель, – смочил морду, побрился и приехал!

– Куда? – не помнит Икс. Голову словно сжало тисками.

– Ко мне в контору! – раздался понимающий смешок. – Расслабься, старик, у тебя сегодня трудоустройство. И не пей ничего по дороге.

– А-а, – говорит Икс. Это звучит как согласие.

Икс получил работу. Начал выдавать на гора софт-тému. Жесткая рука нищеты ослабила хватку. А потом у Икса появился растущий круг собственных клиентов. Он смог себе позволить новый телевизор и стиральную машину для мамы. Он смог позволить себе робкие планы на будущее.

Вскоре они с дружком-приятелем совсем сблизились. Самым простым и естественным образом: на корпоративных вечеринках они напивались быстрее всех. И отправлялись догупливать дальше, иногда прихватив с собой Люсьен. Гнули свое до утра. Наверное, даже в самых эксцентричных клубах Москвы они по-прежнему представляли собой весьма странную троицу. Их везде узнавали; в некоторых заведениях они умудрились попасть в «стоп-лист». Проставлялся всегда дружок-приятель.

– Хотя бы кто из вас, што ль, трахнул меня! – жаловалась великанша. И они ржали – это давно уже превратилось в форму речи, хотя для Люсьен это все же было чем-то вроде бессмысленной мантры-надежды.

Но какие могут быть надежды у трех алкоголиков? Кто, мы?! О нет, только не мы! Мы – веселые пьяницы. Смотрите: все вокруг смеются! Это все мы: женщина-башня, художник-извращенец и директор-маргинал. Или как-то так.

Работы Икса становились все мрачнее и шизофреничней; он вытягивал что-то такое нутряное из пожеланий заказчиков, что даже они порой смущались. Но всегда исправно платили: все окей, то, что надо! Вперед, Икс, мочи по темной линии, и привет тебе, Тьма – лучшая подружка!

Икс функционировал на автопилоте. Правда, работу ни разу не срывал. Иногда ее результаты оказывались сюрпризом даже для него: он узнавал о них одновременно с заказчиком, удивленно пялясь на экран. Что-то приближалось. Что-то очень плохое. Но пока они с дружком-приятелем, бахваясь, называли себя единственными деятелями инет-индустрии, предпочитающими «синьку». Их коллеги («эти продвинутые козлобы!») сидели, кто на наркоте, кто на киберпространстве, кто на экстриме. И все были помешаны на бабках. И на сексе. Так что алкоголиками, пожалуй, действительно были лишь они.

Их поведение все больше раздражало коллег («этих гламурных козлобов!»): два краснотелых чуда в мутном облаке перегара, немедленно заполнявшее все пространство. Но дружок-приятель пока еще прикрывал тылы, пока еще баланс влияния и клиентуры был на их стороне. Его послушать, так, к примеру, Модильяни без абсента и шагу не мог ступить.

«Лобачев не Модильяни! – резонно отвечали ему, не стесняясь присутствия Икса. – А уж ваш Терминатор из бухгалтерии (эти обожравшиеся гламурина суки звали Люсьен „Терминатором“) и подавно. Вы пугаете приличных людей.

– Пошли они в жопу! – возмущался дружок-приятель. – Я директор или где?

Но что-то приближалось. Шаг за шагом. И капля за каплей. Кто-то из клиентов, шокированных работой Икса, хоть и оплатил заказ, предпочел тут же обратиться в другое агентство.

Кан

Где у людей с чувством меры порядок.

Кап-кап

Пополз слух о реноме студии. Прикрывать тылы становилось все сложнее.

В минуты прояснения Икс и сам подумывал, что пора остановиться. Хотя число клиентов вроде бы росло (по крайней мере, все еще не убывало), грань извлечения наружу их темных изъянов становилась все более размытой. Но не было тормозов. На темных линиях (может быть, незримые автобаны Джонсона и были другими, но для Икса они выглядели именно так) не работают стоп-краны. Лишь ярость оголенным нервом лилово светится в темноте. А потом, в минуты прояснения Иксу не особо работалось. Источник его вдохновения был другим. И называть его не хотелось даже самому себе.

Ну, мы и зажгли!

Конец пришел неожиданно и быстро. Во вторник, после обеда.

Ну, нас и виштырило!

Эта певичка считалась суперпроектом. Она пришла к нему вся в черном, с огромными нарисованными кругами вокруг глаз. Икс обалдело смотрел на новую звезду российской эстрады. Из всех *коллег* (включая дружка-приятеля) он был единственным, кто даже не догадывался о ее существовании. Икс все еще слушал «Кисс» и «Металлику». Ну и, конечно, «Роллинг Стоунз».

«Один из ее треков, – пояснил дружок-приятель, – называется „Литания Сатане“, другой, к примеру, „Нарисуй Иштар черным“. Ничего не напоминает? Как видишь, подруга полностью убила свой мозг. Вот и выдай им чего-нибудь такого.

– А чего они хотят?

– Чтоб ты переплюнул себя, – ухмыльнулся дружок-приятель. – Граф, они хотят страха и ужаса.

Эта «Черная Иштар» даже в студию заявила в обществе своего продюсера и телохранителя. Про последнего Икс подумал, что тот – совсем уж отмороженный мудака (мотоциклист-сектант из кино). Ну на хрена ли всю дорогу угрожающе пялиться?! Однако дамочка вела себя не вызывая, скорее с раскованным напором, видимо, роль инфернальной дивы стала ей давно привычна.

Икс выслушал визитеров. Покивал. Прощаясь, она протянула ему руку. Икс ее пожал. И *увидел*.

Идея пришла Иксу моментально. Он подумал, что справится с работой довольно быстро. Так оно и получилось. Никаких мучительных исканий или хотя бы легкой лихорадки. Все вышло само собой.

К утру вторника продукт был готов. А во вторник после обеда все было кончено.

Когда Икс показал свою работу, в студии воцарилась полная тишина. Даже дружок-приятель присвистнул.

– Мрак, – сказал он. – Иштар будет довольна. – А потом склонился к Иксу и тихо добавил, – Граф, по-моему, крышу-то пора чинить.

Там было от чего присвистнуть.

– Сон разума порождает чудовищ! – Ухмыльнулся кто-то, прежде других пришедший в себя.

– Не-а. – Дружок-приятель задумчиво покачал головой. – Гойя был не прав. Эта фраза позитивистского рационального века. Мудака он, короче. Здесь... блин, белочка... Поздравляю, граф, здесь полностью снята цензура мозга.

Икс провел языком по сухим губам: он вдруг почувствовал бесконечную усталость, в том числе и от непрекращающегося трепя дружка-приятеля. Темная линия шла сквозь него и утопала в экране монитора. В том месте, где на переднем плане в левом нижнем углу находилась некая композиционно-декоративная деталь. И пугала она больше изображенных

для Черной Иштар чудовищ. Это был ребенок. Голый рубенсовский младенец из фотошопа. И глазки его были невинны. Почти. Лишь в одном с трудом улавливался красноватый отсвет. И именно в эту облизанную языками багрянца бездонную воронку уходила темная линия. Дитя явно не принадлежало Миру по сию Сторону. Возможно, поэтому обнаженную его попку венчал то ли поросячий, то ли крысиный хвостик. Хвост, странным образом, даже успокаивал, словно отгораживал дитя от всех остальных, тех, что могут родиться у вас.

– Жесткач! – проговорил еще кто-то. – Лобачев, вы с Иштар прямо созданы друг для друга. Встретились два одиночества. – Но в голосе, помимо иронии, сквозило что-то еще: сухая похвала вперемешку с брезгливостью. – Поздравляю, мистер Босх! Вы создали великое произведение искусства.

Но два одиночества встретились, увы, на мгновение, и то лишь на великом произведении искусства, созданном Иксом. В действительности все вышло иначе. Когда суперпроект Иштар в прежнем составе явился за заказом, Икс с опозданием понял, что совершил огромную ошибку.

– Как быстро вы справились! – комплиментарно улыбнулась Иштар.

– Поглядим, – с сомнением в голосе произнес продюсер.

Телохранитель-мотоциклист по-прежнему глядел исподлобья волком.

Икс раскрыл работу. Делая заключительный щелчок мышкой, он почувствовал, что вот то плохое, чье неотвратимое приближение висело в воздухе, наконец пришло.

Иштар долго и молча смотрела на экран монитора, лицо ее сделалось очень бледным. Все также молчали, словно ожидали рецензии царствующей особы, готовые немедленно порвать в клочья или же вознести до небес.

А Икс уже знал, что все кончено. Темными линиями не пользуются бесплатно. Цена будет выставлена, самым неожиданным и беспощадным образом. И в самый неподходящий момент.

Иксу вдруг стало очень холодно. А еще через мгновение посиневшие губы Иштар задрожали. Она что-то прошептала, только никто не понял, что, словно обессиленные слова застряли в ее пересохшем рту.

Икс обернулся к ней на крутящемся кресле. Он хотел сказать: «Я теперь все знаю. Но уже поздно. И мне очень жаль тебя». Но произнес лишь то, что в нормальных условиях должен был бы сказать нормальный дизайнер своему клиенту.

– Ну как вам? – Голос Икса оказался бесцветным. Шанс был упущен. И теперь между ними рождалась лишь молния гнева.

– Мерзкая тварь! – выдавила Иштар. – Ублюдок!

Икс попытался изобразить на своем лице смущенное недоумение. Молчание вокруг стало густым и вязким, как куски сахарной ваты. И тут же наэлектризовалось.

– Больная скотина! – Голос Иштар начал подниматься до визга, коим она ублажала своих поклонников, и сорвался в истерику. – Подлый выродок! Что, недоебок, хуишко некуда пристроить? Не дает никто?! Да я разнесу вашу контору недоносков! К вам ногой больше никто не ступит! Мерзкая закомплексованная тварь!

Время для Икса остановилось: он сидел, слушал Иштар и думал, что ненависть заставляет ее браниться самыми больными для нее словами.

Никто не ожидал, что свою угрозу разнести контору Иштар реализует в прямом смысле. Она схватила пепельницу и запустила в экран монитора Икса, где страхом и лиловой ненавистью светилась ее карнавальная жизнь. И... промахнулась. Он привстал, чтобы поднять пепельницу, и успел подумать, что этот промах так же метафоричен, как и все остальное (черная богиня швыряла свою молнию гнева всего-то метров с двух); у нас прямо праздник печальных метафор. И тут между ним и Иштар вдруг оказался бешеный сектант-телохранитель. Что взбрело ему в голову? Что Икс запустит пепельницу обратно в Иштар? Он схватил

Икса за грудки и боднул головой. Видимо, первая реакция Икса была правильной – парень оказался редкостным мудаком. Затем он сунул Иксу под горло локоть и начал его душить. Это уже стало походить на фарс. Все замолчали. Даже Иштар на миг прекратила визжать, только Икс хрипел, и ему было больно. Пока в поле его зрения не попала одна единственная красная роза. Цветок стоял в очень красивой зеленой бутылке из-под какого-то редкого абсента. Берясь рукой за бутылку, Икс вдруг вспомнил Будду и как тот говорил ему, что алая Роза является одним из высших алхимических символов. Работа в пурпуре... Икс улыбнулся дальнему воспоминанию и с этой эмоцией, абсолютно лишенной какой-либо злобы, обрушил бутылку на голову мотоциклиста-маньяка. Хватка ослабла, в следующую секунду кожаный сектант со стеклянными глазами куклы-дебила осел на пол. Икс постоял, отряхивая с себя капли воды и стекла; затем его посетила вполне неуместная догадка:

– Да ты, наверное, пидор? – спросил он мотоциклиста, мычавшего на полу, и, не оборачиваясь, направился к двери.

– Вань... Лобачев! – позвал дружок-приятель.

Икс затворил за собой дверь. Как говорится: дверь входная, она же выходная. Икс спустился на лифте, вышел на улицу и, ни к кому не обращаясь, произнес:

– Все. Пора завязывать.

Через пару часов позвонил дружок-приятель. Голос его был сух – так они никогда не разговаривали.

– Ты что, сошел с ума? – начал тот.

– В чем дело? – отмахнулся Икс. – Этот кретин чуть не придушил меня.

– Я не об этом. Ты на хрена сплетни разносишь?

– Чего?

– На хрена распространяешь сплетни?! Про ребенка?

– Какие...

– Она закатила истерику! Обещала нас ославить на весь свет. Ты что, сдурел?! Или алкоголь ваще мозгов лишил? Она ж звезда, мать твою!

– Я не разношу никаких сплетен, – устало проговорил Икс. – Я видел-то ее всего два раза в жизни.

– Чего ты мне фигню гонишь?! – дружок-приятель начинал сердиться. – Значит, в Инете посмотрел. Эти ее проблемы с ребенком... На хера всякую лабуду повторять, творец херов? Без этого нельзя было обойтись?

– Послушай... это просто совпадение!

– Да?! А то, что у нас теперь огромные проблемы, это тоже совпадение? Меня отец выеб по самые уши – докатились до бульварщины, до желтых слухов.

– Что я могу тебе сказать, если ты не хочешь мне верить?

Что в действительности Икс мог сказать дружку-приятелю? Про темную линию? Про то, как он *увидел*? Еще в их первую с Иштар встречу: смутный образ, лилово светившийся в темноте ее страха; но самое главное – сегодня, когда было уже поздно и ничего не исправить.

Это не было сплетней. Это была правда. Та правда, которую теперь знал Икс. Он *видел*; темные линии не проходят мимо подобных вещей. И ему было очень ее жаль. Потому что у грозной inferнальной дивы некоторое время назад действительно родился ребенок. Мертвый. И копчик его продолжался еще на несколько атавистических позвонков, переходя в хвостик, вполне себе поросячий или крысиный. Уж что за кару придумала себе Иштар, неведомо, но сокровенное ее снов мучительно звало этого ребенка, желая его воскресить, оживить любой ценой, и умыть своим теплом, и согреть своими слезами. Мертвый... С крысиным или поросячьим хвостиком.

А еще Икс знал, что года три назад (может, и поболее), когда еще не было Великой Черной Иштар, а была лишь Маша Баранова из города Дзержинска, где зашкаливали все

счетчики Гейгера, а в затонах из рыбьей икры вылуплялись двухголовые мальки, залетевшая Маша решила рожать, невзирая на несносные условия жизни. И тот, первый младенец, также оказался мертворожденным.

Но что из этого Икс мог сказать дружку-приятелю? Что ему очень жаль Баранову Машу? Или что много лет назад у него был друг, который не верил, не принимал силу темных линий и нашего радикального одиночества, – может, потому что был еще ребенком, – и звали его Буддой. И что он, может быть, единственный на всей земле смог бы ее утешить. Взять за руку и утешить эту несчастную бессмысленную Иштар. Да только и его поглотила Тьма, древняя и неуывающая, из материнского лона которой и выходят все темные линии. Его – первым.

– У нас проблемы, граф, – смягчаясь, проговорил дружок-приятель, только Икс услышал его голос оттуда, издалека. – Настаивают на твоём увольнении.

Икс молчал. Затем, никак не прореагировав на последние слова, он произнес:

– Знаешь, я завязываю. Бросаю пить. Все. Точка.

Теперь пришла пора помолчать дружку-приятелю. Наконец он заговорил.

– Они хотят тебя уволить, – повторил он, и, не дождавшись реакции, добавил: – Наверное, я тебя понимаю.

Они попрощались, так и не сказав друг другу чего-то важного. Да и что могут сказать друг другу люди, когда один из них по той или иной причине покидает карнавал?

Икс потерял работу, дружок-приятель так и не смог его прикрыть. Не смог, или не захотел.

В каком-то смысле рано или поздно это все равно бы случилось. Примерно через год после «завязки» Икс снова мог бы рисовать лишь афишки для провинциальных кинотеатров – источник его вдохновения полностью иссяк. Он, конечно, набил себе руку, но какие там inferнальные бездны и даже какая там софт-тьма?! У него с трудом выходили слащавые работки для халтуры, которую время от времени подкидывала Люсьен. Икс постепенно начал соскакивать с темной линии; вечно терзавшее беспокойство покидало его вместе со злым и яростным вдохновением. И это было замечательно.

С дружком-приятелем после увольнения они виделись лишь раз: не пивший Икс больше не представлял для того интереса; солдаты, выбывшие из карнавала, числятся без вести пропавшими. А Икс вдруг почувствовал, что его жизнь начала потихоньку налаживаться. Конечно, о прежнем шике не могло быть и речи: поясok пришлось подтянуть, и очень туго. Икс работал дома, за гроши делал сайты для начинающих дилетантов, но рад был и этим крохам. С Люсьен они иногда созванивались; как-то сходили в кино, пару раз Икс ее опохмелял. Сам-то он пил безалкогольное пиво. А Люсьен рассказывала, что дружок-приятель нашел себе нового собутыльника, но тот оказался занудой, и все это лишь бледная тень их веселой троицы. Икс слушал, понимающе кивал, но реанимировать бледную тень ему вовсе не улыбалось.

А потом пришла та солнечная осень, когда Икс почувствовал себя свободным. И от темных линий, и от алкогольного пожара. Почти свободным и почти счастливым.

В ноябре на мобильном телефоне высветился номер, который эти два года его не беспокоил. Икс улыбнулся, вовсе не предчувствуя никакой катастрофы, и нажал клавишу соединения. Закончив говорить, Икс молча и не спеша оделся, спустился в магазин и купил бутылку водки. 0.7 литра. Затем нашел в холодильнике какую-то снедь, крабовые палочки. Разлил водку в две рюмки, поверх одной положил кусочек черного хлеба.

– Майор ФСБ на «Лексусе», – проговорил Икс.

В их детстве были короткие анекдоты. «Колобок повесился». Или, к примеру, «еврей – дворник». Вот теперь добавился новый: «майор ФСБ на «Лексусе».

– Люсьен больше нет, – сообщил дружок-приятель.

– Как нет?

– Ее сбила машина. Вчера похоронили. Я подумал, для тебя это важно.

Икс стоял, прижав телефон к уху, и молча смотрел в окно. Потом спросил:

– Как это произошло?

– Она пьяная в говно переходила дорогу. Ленинградский проспект, рядом с подземным переходом. Ее сбил майор ФСБ на «Лексусе». Эта сука вышел из машины и перевернул Люсьен ногой. *Ногой*, понимаешь?! И хотел соскочить. Его остановили какие-то хачи из палаток, торговцы цветами. Записали номера, подняли хай. Ногой... Я засужу эту суку! Я его на британский флаг порву! Чего ты молчишь?! Я к тебе сейчас приеду.

– Приезжай.

Так после двухлетнего перерыва начался осенний запой Икса. Они помянули Люсьен. Даже пошли в тот первый ресторан, где когда-то танцевали с изумленными кавказцами. Странно, будто и не было этих двух лет, и Люсьен где-то здесь, рядом...

Икс потряс головой и сжал кулаки: все не так, уже давно не так. Вот оно, наше радикальное одиночество, приходим одни и уходим по одному, и водка-матушка здесь не помощь, а лишь ветхий костыль, как и все привязанности, дружбы, любимые работы и другие несостоявшиеся любви; а в конечном счете там, где холод, – все по одному.

– Майор ФСБ на «Лексусе»! – не унимался дружок-приятель, когда прошла первая горечь и они взялись за вторую бутылку. – Я этого так не оставлю! Как были кэгэбэшные суки... Совсем от наглости башню сорвало – людей для них нет! Беспредел – не, блядь, у них это госидеология. Создали, сучары, откатную экономику и жируют. Гламуриновое ханство. Батя говорит, никакого от них покоя.

– Может, и создали, – сказал Икс. – Гламуриновое ханство, забавно... Только мы в это время бухали. И Люсьен не вернуть.

– Вань... – Голос дружка-приятеля задрожал; казалось, еще чуть-чуть – и он расплачется. – Она была мне как сестра. Только с ней я чувствовал себя спокойно. Никого кроме нее-то и не было, ни одного живого существа! И теперь я один. Мне так сиротливо! И я так тоскую по ней! Я эту суку...

– Перестань себя жалеть, – сказал Икс и вдруг улыбнулся. – Надо было все-таки трахнуть ее. Ведь она просила.

– Просила, – поддержал дружок-приятель, удивленно хлопая глазами.

– Поди, поставь колыбельную.

– Чего?

– Для нее. В последний раз. Иди, колыбельную. А я пока разолью.

Дружок-приятель поднялся и, направляясь к музыкантам, сказал:

– Я б очень много отдал, чтоб сейчас ее трахнуть.

Икс смотрел ему вслед. А потом разлил водки. В две рюмки. Третья так и стояла, прикрытая кусочком черного хлеба.

Сп-и-и, Люсьен, сп-и-и, засни,

Забудь про свою пизду.

В тихий плес Млечный путь

Случайно уронит звезду.

Прощай, Королева Троллей! Может, ты наконец обрела свое горное королевство, где женщины-башни обретают свои бессмысленные мантры-надежды. Все может быть – ведь для чего-то существуют надежды...

Утром тринадцатого дня запоя Икс вышел из своего подъезда в палатку за опохмелом и на стене дома напротив увидел:

Икс + Миха + Будда + Джонсон = Дружба

Ниже была приписка:

= Ну, мы и зажгли! = Ну нас и виштырило!

Икс в изумлении пялился на стену: пикантность момента заключалась в том, что почерк подозрительно смахивал на его собственный; не совсем, конечно, но сходство было. Только Икс никогда не увлекался граффити на стенах. И если это его рука, но он совершенно не помнил, как, а главное, *зачем* он это сделал.

Икс вдруг с ужасом почувствовал, что все возвращается. И если он сейчас же не завяжет пить, его накроет по полной. Он не совсем отдавал себе отчет в том, что имеется в виду. Возможно, белая горячка, а возможно, кое-что и похуже.

Икс дошел до палатки. Ночная продавщица спала за кассой. Она даже не успела удивиться, когда вместо привычной беленькой Икс попросил кефира, мороженого и кока-колы.

Икс прекратил пьянку. Странно, но ему удалось это сделать без особого труда. Только надписи не исчезли. И это оказалось лишь началом.

10. Маленький Будда (сбежавший мальчик)

I.

Что же видит Миха-Лимонад?

А видит он, как на его глазах совершенно не связанные, далекие друг от друга события, произошедшие в разное время и в разных местах, снова начинают складываться в цепочку, которая привела их к домику Мама Мии в ту ночь. С прежней неумолимостью складываться в роковой, единственно возможный вектор. Но Миха знает кое-что, доставшееся ему в наследство от детских друзей, и потому, как и другие несуществующие фантазии, оставляющее крупцу надежды – тогда так ему говорил Будда. А именно – это все вранье про единственно возможный, безальтернативный вектор. Иногда остается тонкое место, – его еще называют «слабое звено» (и ты можешь слышать, как волны неведомого тайного моря накатывают на свободный берег), – через которое можно выйти за пределы неумолимого круга. И нащупавший это тонкое звено навсегда получает огромную власть и невиданное могущество – он получает самого себя.

II.

С Джонсоном их троица познакомилась в последнюю очередь. Это был рослый мальчик с шапкой курчавых, как у негритенка, волос. Он приехал из ГДР, из Веймара – городка Гете и Шиллера, где его отец играл на флейте в оркестре Группы советских войск в Германии. ГСВГ сокращенно. Забавно, но много позже Икс после учебки в Псковской десантной дивизии отправился служить именно туда. Флейта тоже была забавной – *piccolo*, флейта-малышка, и когда они пытались в нее дуть, выходил лишь сухой звук *фюить*.

Джонсон рассказывал про ГДР удивительные вещи. Джинсы, жвачка и продуктовое изобилие – это все ерунда, рок-концерты и порнуха с офигенной музычкой по телевизору, в общем-то, тоже. Были истории и круче, намного круче. Например, про *незримые* автобаны.

Получалось так, что все автобаны в ГДР – скоростные трассы с уложенными вместо асфальта бетонными плитами – построил еще Гитлер. В тридцатые годы у них все очень бурно развивалось. Народный автомобиль, фатерланд, арийский дух и т. д и т. п. Но это знают все. Так же, как и то, что верхушка Третьего рейха всерьез увлекалась черной магией. Черная – не черная, а вот поговаривали, что Гитлеру, возможно, не только силами самой передовой в то время техники удалось построить тайные, сокрытые автобаны. И вот тут уже дельце выглядело поинтересней. Кстати, поэтому Германия и могла так быстро перебрасывать войска с одного фронта на другой. Так вот: тайные, незримые потому, что они пролегали как бы не совсем в нашей реальности. Это были древние пути, оставшиеся с легендарных времен, и пробудить их на какое-то время удалось не без помощи на вербованных рейхом тибетских лам. Дело происходило в середине тридцатых, еще до всех лагерей и печей Освенцима, половина мира пребывала от Гитлера в восторге, и ламы, видевшие в нем альтернативу западному механизму, не были исключением. Потом все рухнуло, Высшие Неизвестные (Джонсон так их и называл) отвернулись от Тысячелетнего рейха; западная цивилизация победила, и магия ушла. Но в ГДР, как бы «законсервированной» стране, ее отблески еще оставались. И время от времени кто-то натывался на тайные автобаны. В основном – склонные к фантазии эксцентрики, ну и, конечно, дети. По словам Джонсона, он один раз был там, в этом странном месте. Вот тут-то Икс недоверчиво ухмыльнулся, да и Миха тоже. К тому же Джонсон не

смог им поведать ничего конкретного: то ли день был жаркий, то ли еще что, но он вроде как схватил солнечный удар. И перед тем как отключиться, примерно пару мгновений Джонсон в переливах раскаленного воздуха наблюдал нечто весьма и весьма его напугавшее. Он видел разбитые немецкие танки времен Второй мировой войны, должно быть, «тигры», но не то чтобы они были поломаны, а будто... разлагались, словно туши гигантских животных. И вот прямо сквозь них (в этом месте Джонсон то ли смущенно, то ли боязливо опускал глаза) шли какие-то воины, только... очень древние воины, в броне, с мечами и копьями, на которых развевались ленты. Наподобие легионов с картинки из учебника истории. И многие из них дули во флейты. Потом Джонсон очнулся на лужайке, у него ничего не болело, и больше он никогда он не видел тайных автобанов.

– Ну, это ты словил реального глюка, – протянул Икс.

– Не знаю, – Джонсон лишь пожал плечами. Повисла пауза, которую не знали как прервать: либо у Джонсона чересчур богатое воображение, либо... И тогда заговорил Будда:

– Не-а, не глюк, – Будда задумчиво покачал головой. – Флейты Пана... Это был не глюк. Еще древние греки ходили в бой с флейтами, потому что звук флейты отгоняет злых демонов – хтонические порождения первобытного Хаоса.

– Чего?!

– Эллина считали, что звук флейты упорядочивает мир, вызывает благосклонность богов и отгоняет демонов первобытной тьмы.

И хоть в школе Будда считался фантазером и трусишкой, Джонсон посмотрел на него с благодарностью. Признаться, история с незримыми автобанами запросто могла лишить его заслуженного авторитета человека, повидавшего мир.

Потом родители Джонсона развелись; от них с матерью ушел отец, и Джонсон ему этого не простил. Однако от отца осталась флейта рисоло, флейта-малышка, и сейчас, вспоминая, Миха видит, что Джонсон, целиком оставаясь на стороне матери, все же всегда таскал флейту с собой.

Кто знает, может, в ту ночь, когда они отправились в домик Мамы Мии, она действительно смогла бы им помочь. Поэтому Миха смотрит. Смотрит очень внимательно.

В отличие от Джонсона, Икс был полной безотцовщиной. Еще когда его папаша был жив, отношения у них сложились крайне паршивые – Иксу частенько от него доставалось. Да и матери тоже. Но когда его папаша помер, Икс плакал, как маленький ребенок. Да и кем может быть мальчик в одиннадцать лет?

Смерть отца Икса была странной и нелепой. Он погиб, задохнувшись угарным газом. Зашел в свой гараж, уселся за руль стареньких «Жигулей» – «копейки» – и включил зажигание. Почему он не выезжал и чего делал там, в гараже, так никто и не узнает. Поговаривали, что был пьян. Также про депрессию. А мужики – про сварливую жену. В любом случае, что-то, возможно, ветер, закрыло дверь гаража. И все. Он даже ничего не понял, просто уснул. Были похороны, потом поминки, собравшие соседей. Даже рассеянный Михин отец, к тому времени молодой профессор, был на поминках в пролетарской семье Икса, ведь дети дружили. Возможно, именно из-за того, что произошло в семьях Икса и Джонсона, им позволили на следующий год поехать вместе, – взрослые иногда сжались над детьми, для этого нужно, чтобы кто-то заболел или кто-то умер: пусть четыре друга проведут летние каникулы у моря. Пусть уж едут вместе, коли так неразлучны.

Отца Икса похоронили, стояла осень. А в разгар следующего лета Будда снова его увидел.

Фюить.

III.

О том, что их дружок Будда, как говорится «вундеркинд», они догадывались уже тогда. Им всем было по двенадцать, но Будда без труда перескочил на класс вперед, а потом приезжала какая-то комиссия, и пополз слух, что к четырнадцати годам Будда станет самым юным студентом университета. Некоторые его знания выходили за рамки энциклопедических и повергали в шок ученых мужей. Раз, играя магнитами, Будда нафантазировал целую теорию о силовых магнитных линиях Земли, – ими опоясана вся планета, – которые определяют поведение всего живого. По ним проложены дороги, а в точках их пересечения людьми построены счастливые города. По ним, к примеру, движутся киты, выбрасывающиеся на берег, если он оказывается на пути следования. Бородатые физики в вязаных кофтах озадачено переглядывались: все это, конечно, могло сойти за милые детские бредни, если бы к подобным выводам не пришла только что (и мальчик просто не мог об этом знать) какая-то именитая австралийка, почетный член нескольких академий, всколыхнувшая своими изысканиями весь научный мир. В другой раз он прилично смутил гуманитариев – ту же профессиру МГУ, изложив, что называется, «на пальцах» основы дзен-буддизма. Но это оказалось лишь преамбулой: Будда объявил все существующее в мире, не только людей, растения и животных, а буквально все – живым! Минералы и льды, металлы с их памятью, моря и камни, планеты и звезды – живым, да еще взаимосвязанным.

– Анимистическое сознание, – сухо проскрипела какая-то дама.

Но Будда так увлекся, его голос звучал столь завораживающе, что на даму не обратили внимания: древние не только знали об этом, они жили совершенно в другом космосе – живом, гармонически связанном. А мы нашим невежеством, технократической наукой, превратившей мир в механизм, почти его убили. Живой космос древних для нас почти потерян.

Была тишина – не многовато ли для двенадцатилетнего ребенка? Сухие покашливания...

А Будда уже перешел к рассказу о Последних Людах, помнящих об этой взаимосвязи. О «королевском искусстве», или «веселой науке», как он обозвал алхимию. По его словам, все настоящие короли древности и даже Средневековья – Хлодвиг, Фридрих Барбаросса, Ричард Львиное Сердце, – были великими магами. Лечили прикосновением, могли превращать свинец в золото и вообще далеко продвинулись в алхимической работе, оставив после себя немало тематических манускриптов. Этим магическим даром (заметим: тогда, в эпоху полноценного мира, никому, в отличие от более поздних времен, не взбрело бы в голову считать этот дар проклятьем) короли обладали от рождения. Собственно поэтому, а не из-за мнимой элитарности занятия, алхимия – «королевское» искусство.

Снова тишина, покашливание...

– Довольно сложно представить Ричарда Львиное Сердце за написанием эзотерического трактата, – говорит человек с колючей бородкой и колючим же взглядом, чуть прикрытым беглой скользкой улыбкой. – Если только в перерывах между крестовыми походами и бесконечными пирушками.

Короткий смешок – это дама с анимистическим сознанием.

А вот тут интересно: Будда совершенно не понимает, о чем речь, и вовсе не парирует неуклюжую шутку. Профессура делает выдох, приходит в себя – все же дело-то имеем с ребенком... Даже колючебородому немного стыдно. А Будда тем временем говорит следующее: доверие не силе магии, а силе арифметического большинства – это передача ключей мира в руки механизма.

– Что ты имеешь в виду, малыш? – снисходительно вопрошает анимистическая дама.

И Будда с веселой улыбкой проказника, выкинувшего тот еще финт, делает сногсшибательный, но абсолютно практичный социологический вывод: крушение мира королей и переход к современным формам управления обществом было вызвано именно этим – короли утратили магические способности, – а вовсе не развитием производства или борьбой народных масс. И опять покашливание, только несколько иного рода: советская система стояла тогда во всей своей силе. И за подобную точку зрения можно было угодить не в МГУ, а кой куда подальше. Но не сажать же, в самом деле, в психушку двенадцатилетнего фантазера.

В комиссиях, следовавших одна за другой, были и настоящие жулики и спекулянты: много позже в книге крупнейшего в стране авторитета по буддизму Миха обнаружил много мыслей своего друга Будды, изложенных почти дословно его чудесным простым языком.

Вместе с тем Будда оставался самым обычным мальчиком, худеньким, с длинными светлыми волосами, может быть, немного мечтательным, и, как поймет потом Миха, его миролюбие никак не было связано с трусостью. Хотя кое-чего Будда боялся очень сильно. Он боялся высоты. И даже на обычной пожарной лестнице у него частенько кружилась голова, что и являлось предметом постоянных насмешек.

IV.

Как только мальчики оказались на море, Будда сразу попросил Мihu научить его прыгать с пирса в воду. Прыжки с головокружительной высоты портового причала – дело весьма рискованное, и даже местные не всегда решались на прыжок с самой высокой сваи. Плюша здесь был вне конкуренции. Он любил море, любил ощущение полета, которое дарит прыжок, и чувство бессмертия, присущее детям, к двенадцати годам еще его не покинуло. Да, в порту Миха был номер один; чувствуя уважение местных сверстников, свой бесспорный авторитет, Плюша поклялся себе по возвращении домой записаться в секцию бокса, чтобы покончить с московскими обидчиками.

Так он и поступил. Только тем летом всех ждала несколько иная инициация.

Первый же прыжок Будды со сваи оказался полным провалом и крушением всяческих надежд. Это несмотря на долгие тренировки с Михой на двухметровом камне, именуемом, видимо за сходство с головой уродливого великана, Башкой. На Башке у Будды выходило хорошо, а здесь он в последний момент испугался, его бросило в воздухе, он не сумел сгруппироваться и вошел в воду плашмя. Кто-то даже закричал от страха, да и Миха не брался предположить, насколько сильно Будда отбил спину и ноги. Когда он показался на поверхности, вид у него был до того несчастный, что Плюша решил немедленно прекратить дальнейшие упражнения. Превозмогая боль, Будда вылез на берег. Те части тела, которыми он ударился о воду, покраснели так, что, казалось, дотронулся – обожжешься. В глазах Будды стояли слезы, но губы были плотно сжаты. Все вокруг уже смеялись:

– Это тебе не умничать, москвич!

– Ну, ты и шарахнул, прыгуля!

Плюше было жаль Будду, и, конечно, стоило его утешить, но, признаться, плюхнулся он действительно нелепо и, в общем-то, смешно. Ну не его стезя – прыжки, что ж тут поделать. И потом страх высоты – это врожденное...

– Ладно, – начал Плюша, не очень представляя, что скажет дальше. Будда упрямый, и надо подыскать какую-то корректную форму его отговорить, еще один такой прыжок его просто добьет, – знаешь... тоже велика заслуга мочить со сваи...

– Я буду прыгать, – произнес Будда.

И тогда Плюша, глядя Будде в глаза, говорит – против своей воли – нечто кошмарное. Будто кто околдовал, ведь сказать он хотел совсем другое:

– Тогда, ты должен повторить немедленно. Иначе уже никогда не прыгнешь.

Теоретически это было верно, но совершенно недопустимо в данных обстоятельствах. Миха готов был проклясть свой бестолковый язык.

– Знаю, – кивнул Будда. – Пойдем, скажешь мне все еще раз по дороге.

Вторичное появление Будды на свае вызвало неподдельный интерес: надо же, московский умник решился на повтор! У кого-то в глазах любопытствующий огонек приобрел слегка кровожадный оттенок – закончиться подобное зрелище могло чем угодно.

– Послушай, – Плюша хотел, чтобы его голос звучал как можно внятней и спокойней. – Думай о прыжке... Только о прыжке. Тело сгруппировано, ноги сведены вместе. Ты летишь. Тыходишь в воду... Думай. А теперь ты вытянутая струна. Пружина... Начинаешь падать вниз. Ровно. И когда угол между тобой и водой станет примерно сорок пять градусов, просто оттолкнись от края ногами. Просто толкнись. И лети. Доверься прыжку. И воде.

Будда замер. А потом его тело повторило все, о чем рассказывал Миха. Это невероятно – до мельчайших деталей. Именно прыжок Будды позже помог Плюше понять, как легендарные полководцы древности выигрывали сражения еще до начала битвы. Или проигрывали их. А тогда получился один из самых красивых прыжков за день – Будда вошел в воду ровно, почти без брызг.

Михе показалось, что стало как будто тише. Потом кто-то присвистнул:

– Неплохо для москвича.

Будда вынырнул довольный, улыбающийся. Миха сделал ему два кулака с поднятыми вверх большими пальцами – во! – и Будда моргнул в ответ.

(Миха смотрит: действительно, фотография – великое дело)

– А вы что думаете! – весело вскричал Джонсон. – С лохами дело имеете?!

И с разбегу неуклюжей бомбочкой полетел в воду. Все рассмеялись. Джонсон был веселый, его полюбили сразу; ему не было необходимости доказывать что-либо ни себе, ни другим. Общее веселье достигло апогея, когда до Михи дошел голос: «Эй, смотрите, москвич-то чудит...»

Миха обернулся: Будда забрался на фонарный столб над самой высокой сваей, что увеличивало высоту прыжка еще метров на пять.

– Слезай оттуда на хрен, расшибешься! – произнес тот же голос.

– Будда, совсем рехнулся?! – это уже Икс.

– Э-э... слезай, дело нешуточное...

– Там стоять негде... сорвешься, можно об сваю башкой... и капец!

Миха подошел к фонарному столбу:

– Ты чего, с ума сошел?!

– Не беспокойтесь, – Будда держался рукой за изгиб фонаря, одна его нога с трудом умещалась на крохотном ржавом приступочке – петле для накидной лестницы, другая болталась в воздухе. – Ща-а, только пристрою вторую ногу...

У Плюши все внутри похолодело: Будда мог сорваться в любой момент – все эти полуржавые железные сооружения в порту обветшали от времени и были крайне ненадежны. Сердце Плюши заколотилось с необычайной силой, как это уже было с ним однажды... когда? Четыре года назад? Вон он срывается, свая, и голова о сваю... Миха крепко сжал кулаки, выдохнул, – он уже не перепуганный ребенок, – и проговорил ровным спокойным голосом:

– Будда, не валяй дурака! Это очень опасно.

А Будда смотрел вниз, глаза его были широко раскрыты и стали темными и далекими, как отражающаяся в них темная беспокойная вода; в глазах мальчика застыл металлический лик абсолютного страха.

– Я... сейчас... схожу... за лестницей, – Миха старался четко интонировать каждое слово. – Спокойно. Не двигайся.

Сгустившаяся под ними тишина стала липкой, почти физически ощутимой.

А потом произошло что-то странное. Будда улыбнулся и поглядел не на воду, а куда-то вдаль, и страха больше не было.

– Не беспокойтесь. Теперь я умею летать.

Тишину, вернув все звуки, разрезал пароходный гудок.

– Он че, обкурился? – спросил кто-то с истерическим смешком. – Летун!..

– Слышь... – кто-то другой попытался урезонить то ли Будду, то ли говорившего, – тут не до шуток!

– Не будь придурком, слезь! Мы тебя подстрахуем.

Но Миха почему-то знал, что Будда уже не ответит. Он взглянул на него, и тут случилась вторая странность: голоса вновь куда-то удалились, и Плюша с удивлением обнаружил, что он, по-детски зажав кулачки со скрещенными пальцами, наверное, молится. В первый раз в жизни. Чтобы все кончилось хорошо. Что он теперь находится там, рядом с Буддой, на крохотном приступочке, и молится. Потому что Будда *решил* прыгать, и все уже случилось. Молится неведомо кому, кто примет их остервенелое мужество, отличит его от просто ребячества и поможет Будде. Потому что тот только что справился с самым большим страхом своей жизни.

И за секунду до того, как пристроить на приступок вторую ногу, Будда сказал:

– Миха, спасибо!

И толкнулся. И полетел. Только тогда Плюша позволил себе на короткий миг зажмуриться. А когда открыл глаза, увидел Будду. Увидел мальчика, застывшего в самом красивом прыжке, исполненном когда-либо в этом порту. Потому что тело Будды косой ласточкой перечеркнуло солнце – так уж вышло. Так уж вышло, что на короткий миг солнце одарило его сияющим ореолом.

Это был взрыв.

Все кричали, свистели и аплодировали, как на лучшем в мире цирковом представлении. Помогали Будде выбраться из воды, хлопали по плечам, выражая восторг и уважение.

– Чертов придурок! – негромко хмыкнул Миха.

– Да, это было круто! – согласился Джонсон. – Знаешь, как в кино... Я горжусь, что он наш друг.

– Ну ты даешь! – Икс с уважением глядел на приближающегося Будду.

– Я теперь прыгну оттуда, когда вернемся в Москву! – возбужденно закричал Будда.

– Откуда? – Джонсон потер нос. – В смысле... с Крымского, что ль?

– Да.

– Ну-ну.

– Точно: совсем рехнулся, – снова хмыкнул Миха.

А потом их с Буддой взгляды встретились, и оба рассмеялись. Оба были счастливы в ту минуту.

В тени портовых акаций, спасаясь от нестерпимого солнца, лежали собаки, огромные волкодавы. Вот кто-то прошел мимо, и собаки лениво завильали обрубками хвостов. Все, кроме одной. Та, замерев нелепым каменным изваянием, оставалась неподвижной. И не сводила мутных, налитых кровью глаз с мальчиков, играющих на причале.

Миха вдруг обернулся, рассеяно посмотрел по сторонам и ничего не увидел. Лишь холодок зябкой волной пробежал по спине. Но в этот радостный солнечный день Миха отмахнулся от него – к чему какие-то тревоги, когда так все хорошо?

Собака лежала неподвижно. И если бы кто-то, к примеру, сам Миха, захотел взглянуть в непроницаемую морду зверя, он увидел бы, как совсем чуть-чуть подрагивала верхняя губа волкодава, обнажая изогнутый страшный желтый клык.

Собака продолжала смотреть. Время жатвы приближалось.

11. Кутанские собаки

I.

Идея сделать поджиги – самодельное огнестрельное оружие – пришла им в голову, когда «выслеживание» Тани, городской блудницы, привело их к дому Мамы Мии, и Икса покусали собаки.

Тем летом неприятности сыпались на Икса как из рога изобилия. В первый же день, несмотря на увещевания Михи, он сгорел на солнце. Советская система, запустившая человека в космос, не разменивалась на такие мелочи, как производство солнечных кремов и масел. И человек сгорел. Стал красным, как свежесваренный рак. Спасать Икса пришлось, обмазывая его густым слоем кислого молока. Как же он вонял!.. Затем на пляже у Икса украли одежду, любимую майку с индейским вождем в полном оперении, привезенную Джонсоном из ГДР и подаренную ему на день рождения. В довершение ко всему Икса покусали кутанские собаки, и ему пришлось делать 40 уколов от бешенства. Единственное, что успокаивало, – уколы были несовместимы с алкоголем, и Иксу пришлось отказаться от идеи выпить портвейна с какими-то местными ханурами.

– Ну вот, хоть от этого вздора его не придется отговаривать, – подвел итог Миха.

– Не, блин, если в этом году на землю упадет метеорит, – злился Джонсон по большей части из-за майки, – он грохнет по башке именно Икса. Лучше б я ее себе оставил. А Икса пристрелил.

Икс вышел из медпункта и процедил сквозь зубы:

– Из-за этой суки у меня теперь и пузо, и жопа болят.

Мальчики весело переглянулись:

– Ты про Таню? – поинтересовался Миха, – Или... Маму Мию?

– Про обеих! – отрезал Икс.

Миха промолчал. В общем-то, смешного мало. В домике Мамы Мии случилось еще кое-что, и Буда видел там не только утонувшую девочку. Но... Миха дернул головой и сделал странный жест рукой, словно отмахиваясь от чего-то.

– Спалить там все на хер! – предложил Икс. – Только фотку эту вашу забрать, и спалить!

Миха кисло усмехнулся: нехорошо, конечно, скрывать что-то от друзей, но, с другой стороны, как им скажешь?! Особенно Иксу.

– Мы должны вернуться, – проговорил Будда. – Только теперь вооруженными.

– Знаю – значит, вооружен? – иронично поинтересовался Джонсон, намекая на повышенную склонность Будды к метафорам.

– Не-а, – Будда покачал головой. – Мы сделаем настоящее оружие. По крайней мере от собак.

И снова Миха почувствовал волну холода в спине, как тогда в порту. Собаки – не самая грозная опасность, поджидающая их в немецком домике. Повисло молчание. Множество вопросов витало в воздухе, но никто не решался сформулировать главный. Миха зябко передернул плечами, посмотрел на Будду и наконец сказал:

– Знаешь, не то чтобы я не хотел туда больше возвращаться, но... кажется, мне страшно.

– Я знаю. – Будда помолчал. Затем кивнул и чуть виновато улыбнулся. – Мне тоже.

II.

Почему собак прозвали кутанскими, Миха не знает до сих пор.

...Это были огромные псы, пастушьи волкодавы. Еще щенкам чабаны, как тут называли пастухов, обрезали им уши и обрубали хвосты, чтобы росли злее и чтобы волк не ухватил. На бескрайних пастбищах с высокой, по пояс, сочной травой, в долинах и на склонах гор, они помогали пасти и оберегали отары овец. В городских легендах-страшилках рассказывали о детях, растерзанных кутанскими собаками, которые подчинялись лишь пастуху на лошади и удару его кнута. Сама фигура пастуха таким образом приобретала демонический характер, и черные чабаны – всадники ночи были персонажами местного фольклора.

На самом же деле люди были не особо добры к своим верным помощникам. Старых и увечных, потрепанных волком собак изгоняли из отары – надо было кормить молодых и сильных, надо было беречь свое стадо. И несчастные животные сбивались в стаи, дичали, бродили по окраинам городка, навеваясь на помойки в поисках пропитания. Людей они боялись как огня. Достаточно было ребенку сделать вид, будто он поднимает с земли камень, и собаки бросались врассыпную. Правда, говорят, иногда в стаях рождались щенки. Щенки волкодава, никогда не слышавшие свиста и страшного удара кнута. Но много всего говорят, а слухами земля полнится. В любом случае к двенадцати годам Миха знал о кутанских собаках, что это хоть и «здоровушие», но безобидные дворняги, и не раз видел, как какой-нибудь пес, ошалев от ужаса, под хохот дворовых хулиганов уносился прочь, с привязанной под обрубком хвоста гирляндой консервных банок.

III.

...Гулящая, шлюшка, трахальщица, проститутка – как только язык не смаковал все это, какие только эпитеты для подступающего взросления не легитимизировал образ местной блудницы Тани. Так что в беседе со старшими спокойно и деловито, как рукопожатие, можно было обронить: «Да она, вроде как, гулящая», – и продолжать беседу, как ни в чем не бывало.

До того дня, когда они увидели Таню в домике Мама Мии, две картинки запечатлелись в Плюшиной голове. Таня во дворе с ребенком на руках в какой-то хламиде, похожей на ночную рубашку. И совсем другая Таня: в обтягивающей кожаной юбочке, шелковых чулках, с сумочкой и в туфлях на высоком каблуке – вышагивает по приморскому парку, и ее веселый низкий смех остужает слишком уж горячих поклонников. «Тигровая лилия» – прозвал ее кто-то из местных начитанных фантазеров. Как же тревожны и соблазнительны были ее обтянутые легкомысленным нарядом крепкие бедра, какие неведомые радости сулили ее игриво покачивающиеся ягодички. И конечно, «выслеживание» Тани, «Тигровой лилии», вышедшей на бесконечный поиск своих эфемерных женихов, стало одним из любимых развлечений местных мальчишек.

До сих пор Миха-Лимонад затруднялся определить социальный статус Тани. Незамужняя, она жила с матерью и растила чернявенького ребенка. Говорили, что ее мать, никогда не появляющаяся на публике без сногшибательного макияжа а-ля кабуки с нарисованным густо-красным бантиком губ, выкидывала по молодости кренделя похлеще Тани, выплясывая твист со стилигами, влюбляя в себя бесконечную череду романтиков-шестидесятников и сероглазых храбрых альпинистов. Но все поддерживали с обеими женщинами добрососедские отношения. Их никто не осуждал, скорее им симпатизировали за простую доброту и отзывчивость, и степенные семейные дамы, следящие, чтоб у их дочерей юбки никогда не поднимались выше колен, с удовольствием соглашались посидеть с Таниным малышом. Кроме тех случаев, когда она отправлялась в свои путешествия в поисках быстрой и невер-

ной любви. Таня уходила, а ее мать появлялась во дворе, покачивая ребенка и угощая всех семечками.

IV.

Сейчас по «Радио классик» Миха-Лимонад услышал, что на аукционе в Лондоне было выставлено платье Одри Хепберн со стартовой ценой 130 тысяч фунтов стерлингов. Знаменитое платье-колокол, в котором она была в «Завтраке у „Тиффани“».

Одри Хепберн – последнее звено в цепочке. Трудно сказать, что из увиденного в немецком домике потрясло их больше всего. Но несомненно: фотография Одри, большая, в рамочке, перед которой было сооружено нечто наподобие алтаря, окончательно убедила их, что Мама Мия – не полоумная нищенка-старуха, вовсе не старуха и никогда ею не была.

Кстати, средства, вырученные от продажи платья-колокола, шли на благотворительные цели в Индию, страну, где примерно 2500 лет назад появился на свет принц Сидхартха Гаутама Будда.

V.

– Матерь Божия! – говорит Плюша, не очень представляя себе, что имеет в виду. Просто так выражала удивление или негодование тетя Эмма, интеллигентная мамина подруга, блондинка. Любопытно, но еще некоторое время назад Плюша, выросший в неругающемся доме, пребывал в уверенности, что «эта сука» – одно из названий для блондинок. Именно так с видом начитанного паиньки-льстеца он, не скрывая восторга, обозвал тетю Эмму – «Мама, вот и наша сука пришла!»; результатом оказался ступор всех присутствующих, выяснение отношений между взрослыми и разбитая сервизная чашка – китайский фарфор – выпавшая из рук матери. Хвала Иксу – он объяснил Плюше, как обстоят дела. Ох и ржали тогда над ним!

– Они что, идут туда? – Плюша не сводит глаз с Тани и ее спутника. – К Маме Мии?!

– Срань Господня! – поддерживает его более красноречивый Джонсон. – Охренеть можно!

Закатное солнце отражается во множестве железнодорожных путей, окрашивая золотом даль за станцией, где городок взбирается в гору. Вечер прогнал остатки жары. Совсем скоро сюда опустится ночь, – южные сумерки коротки, – бархатная, пахнущая морским бризом, пропитанная обещаниями, первыми робкими поцелуями, стрекотом цикад и звуками летнего кинотеатра. Они еще не знают, что совсем скоро сегодняшний день расколется на две части, и в одной будет яркое солнечное пятно, где останется прыжок Будды, сделавший всех героями, а в другой появится нечто новое: вместе с этой ночью в их жизнь придет Тьма, почти не узнанная, почти безобидная.

Сегодня Таня оказалась на редкость привередливой, долго решая с выбором кавалера. Местные говорили, что Таня может и с двумя, и с тремя, а раз было даже с одиннадцатью, – с толпой! – но сейчас было по-другому, и возможно, все это лишь слухи.

Обхватив себя руками за плечи, с кем-то из товаров, она шла по приморскому парку, и ягодицы девушек, слегка прикрытые узкими мини-юбочками, колыхались как-то особенно весело.

Наконец выбор был сделан, и дамы расстались. Таня, взяв молодого человека за руку, быстро повела его по отдыхающему от зноя асфальту. Так быстро, словно оба вдруг куда-то заспешили. Миха узнал парня – борец, член сборной, местный чемпион и местная легенда; невысокий, широкоплечий, он обладал легкой кошачьей походкой и печальными глазами человека, не знающего жалости. Они не целовались и даже не говорили, просто очень быстро

шли, и такая лаконичная целеустремленность еще больше интриговала. Пара любовников прошла через парк и добралась до самой пустынной его части, но и этого им оказалось мало. Борец, подняв Таню на руки (девушка, словно обессилев, на миг прильнула к нему), помог своей подруге перевалить через белый парапет римского портика, очерчивавшего парк, и оба спрыгнули на гальку железнодорожной насыпи. Зачем? Ведь дальше начиналась дикая территория, не к морю же в камни они собирались?! Темнело очень быстро. И если в створе заката рельсы еще ловили прощальный луч уходящего за горы солнца, то на востоке небо набухло чернотой подступающей ночи. Они и не собирались к морю; последнюю тропинку вниз они уже прошли, а дальше начинались утесы с крутыми обрывами, и лишь пенные волны иногда прикрывали торчавшие из воды камни, острые, как бритва. Таня оступилась на своих высоких каблучках, сбросила туфли и старалась шагать по шпалам, а потом – свернула... И Миха увидел, куда она вела своего спутника. Тогда Плюша и обронил свою «мать Божью».

Они шли в немецкий домик. К городской сумасшедшей, прозванной Мамой Мией.

Возможно, было еще не поздно повернуть обратно. И это оказалось бы единственно верным. Господи, это было бы здорово! Но увы: нам не суждено знать дни и события, которые перевернут и изменят нашу жизнь. Поэтому юные шпионы лихо перемахнули через парапет римского портика, стараясь ступать бесшумно по гравии железнодорожной насыпи, и устремились туда, в темноту, где мрачным готическим (или почти готическим!) замком висел над морем дом. В темноту, где по дому бродила сумасшедшая хозяйка с растрепанными волосами, которую дети, в основном всякая бестолковая мелочь, почитали за ведьму. Ну, а если еще чуть-чуть фантазии, то немецкий домик и впрямь превращался в замок злой колдуньи, у которой Таня была в услужении, и которая в этот самый миг смотрела в черные зеркала, поджидая очередную жертву. Так что – прощай, борец! Арривидерчи, наш ясноглазый чемпион!!! Заманили тебя, душка, чтоб сожрать твою тушку...

Миха-Лимонад проводит языком по губам, ставшим неожиданно сухими: такая была игра? Или им все-таки хотелось узнать, подсмотреть, *как* и *где* Таня делает это? Невзирая на предупреждение Мурадки, между прочим отказавшегося идти с ними под тем предлогом, что борец начистит рожи всем без разбора.

Сейчас трудно сказать, скорее всего понемножку и того, и другого. У любой игры есть правила, но они вовсе не объясняют чего-то главного, что получают вступившие в игру. Тем более что данные правила в любом случае требовали идти до конца. Не бояться же побоев жестокого борца, местной легенды и чемпиона?! Или крутых обрывов и неведомых трещин в скалах?! Глупых слухов и почти неосязаемой занозы в сердце? Или – темноты.

Наверное, существовала еще одна причина, возможно, самая главная. *Она* действительно очень напугала его в детстве, старая безумная карга – нищенка Мама Мия. И сейчас храбрым индейским лазутчиком подбираясь к немецкому домику, Миха, похоже, хотел посмеяться над детскими страхами. Миха-Плюша: хвала твоему безрассудству и позор гордыне! Это она имела в виду, когда прошипела: «Сам отдашь! Сам!». Ты сам привел к ней своих друзей?!

Миха-Лимонад снова проводит языком по губам и касается пальцем правого виска: а что он тогда мог им сказать? Троим таким же храбрым индейским лазутчикам, как и он сам? Что он боится? Про детские кошмары, сны или голову ребенка, раскалывающуюся о ствол

пирамидального тополя? Да его подняли бы на смех! А может, нет? Вот что, оказывается, до сих пор не дает ему покоя: старая карга все очень верно рассчитала, наградив его позорно скрываемым, теперь уже почти забытым чувством вины.

Сам отдашь! Сам!

Но так ли это? Вранье – одно из самых действенных оружий старой карги. Вранье и подтасовка. Да еще спекулятивная игра на том, что ты любишь больше всего и перед чем беззащитен. Миха смотрит... Как хрупок и прекрасен был тот момент, где все сплелось: дружба, верность, любопытство, подступающее взросление и самое главное – абсолютное неприятие червотчины, существующей в мире. Именно от нее, от червотчины они собирались сберечь хрупкую красоту, до боли, до искусанных в кровь губ, с детским максимализмом не принимая иного порядка вещей.

Тьма, из которой вышла червотчина, тьма – их новая подружка – поглотила этот континент детства.

Но так ли это? Согласны ль мы с подобной географией? И причем тут, в конце концов, детство?

В домике Мама Мии уже зажгли свет – горящие тускло-желтым электричеством оконца были единственным признаком человеческого жилья.

Странно, но Миха не раз ходил по той дорожке – на рыбалку к Черным камням, на Башку, где учились прыгать начинающие и где в маленькой бухте прятался дикий пляжик с золотым песком – и совершенно не обращал внимания на немецкий дом. Можно сказать, он и дом игнорировали существование друг друга. Вероятно потому, что основная тропа шла чуть выше, или потому, что Миха никогда не оказывался здесь после наступления темноты. Сейчас все изменилось. Как только Миха впустил в себя мысль о доме и его безумной хозяйке, все изменилось. Учатившееся сердцебиение говорило об этом. Перепончатые крылья летучих мышей чертили небо над головой, но слух, какой-то другой слух, улавливал грозные вибрации в безобидных полетах маленьких чудовищ. И Миха вдруг отчетливо почувствовал темную линию, по которой они сейчас шли (магнитные линии Будды? только вовсе не счастливые?), не догадываясь, что идут они совсем не ради игры или запретной забавы, и вообще не по своей воле. Словно что-то пробудилось во чреве строения, оставленного военнопленными, стряхнуло с сонных глаз комья влажной земли, и дом ожил. И заметил Миху.

Но все это, конечно, разыгравшееся воображение. Летучие мыши обитали здесь всегда, так же, как и хищные ночные птицы – одна из них только что стремглав бросилась вниз, в кустарник, чтобы разодрать крысу или другого неосторожного грызуна. Просто воображение, вот же, рядом, идут друзья, а впереди Таня – они с борцом уже вовсю лапают друг друга. И низкий, с хрипотцой Танин смех выводит мальчиков, подобных Плюше, из страны детских кошмаров, суля совершенно иные приключения.

И Плюша успокоился. И позволил этому низкому смеху вести себя дальше.

Желтые окна немецкого дома были задернуты занавесками, ветхими и пыльными. За ними угадывались какие-то силуэты и приглушенные голоса. Когда Таня постучала, один из силуэтов двинулся к окну, оно раскрылось, и Плюша увидел Маму Мию. Вот так все просто и произошло. Старуха совсем не изменилась. Даже кокетливая соломенная шляпка была та же, как и дешевый китайский веер, которым она всегда обмахивалась в полуденный зной.

Миха видит, как старуха пялится в темноту, близоруко щурясь, и слышит ее знакомый монотонный речитатив (и что-то внутри него говорит: «Ну, привет, Мама Мия»):

– Мама мия, мама мия! – причмокивание, невнятное бормотание. – Зачем стучишься, если тебя нет? Зачем?! Мама мия... Не пора мне, водонос!

Таня усмехнулась, вышла от парадного на свет:

– Это я, Мама Мия. Пустишь?

– А, это ты, Шамхат... Проходи, открыто. У бабки всегда открыто, мама мия.... А у меня гости, Шамхат. У-у! – Она грозит куда-то в небо кулаком. – Огонь-вода, огонь-вода... Мама мия!

Старуха еще какое-то время строго смотрит в темноту, – и Плюше кажется, что холодок ее взгляда легким дуновением проходит по его лицу, но только он не знает, плакать ему или смеяться, – потом затворяет окно и задергивает шторы.

– Как она тебя назвала? – Плюша слышит удивленный голос борца. – Шайс... че? Шайсхан?

– Как она меня только не зовет! – весело откликается Таня. – Вечно путает с кем-то... Совсем из ума выжила!

И они заходят в дом. Дверь за ними со скрипом закрывается. Но пружина еще какое-то время водит ее в разные стороны.

– Жестка-а-ч, – оторопело говорит Джонсон. – Она же совсем психованная!

И это снимает остатки напряжения. Все смеются. И даже Плюша. И Будда. Потом он говорит:

– Интересно, что ж за гости могут быть у такой чокнутой?

– Там бордель! – предполагает Икс, и глаза его горят нетерпением. – В каждой комнате. Бабка со всех берет деньги и прикидывается чокнутой, чтоб менты не накрыли. Порыли, посмотрим!

Теперь уже все оторопело глядят на Икса. Затем Джонсон, словно переведя дух, интересуется:

– Монсеньор, а вы дрочить не пробовали? Не-а?! Зрря-зря, очень помогает.

И снова все смеются. И даже Икс.

– Тихо вы, не орите! – предупреждает Плюша. Они прячутся в тени тучи; вышла луна, еще белая и совсем молодая. И Миха, конечно же, прав: стало тихо, на море штиль, прибой почти не слышен, лишь цикады трещат в кустах.

Немецкий домик о двух этажах ясно вычерчивается в бледном лунном свете. Верхний заброшен, старуха туда никогда не поднимается, но и окна первого этажа начинаются высоко, даже взрослый человек не в состоянии в них заглянуть. Есть еще подвал – по одному наполовину утопленному в землю окошку с каждой стороны дома. Над подвальными окошками косые свесы от дождя, на них можно забраться, держась за водосточные трубы по углам. Водостоки вроде бы из жести, но до сих пор не ржавые.

И Миха храбро предлагает:

– Ну что, полезли на окна?

Плюше открывается полутемная комната – в углу тускло светит керосиновая лампа, и его глаза сразу выхватывают то, зачем они сюда пришли. В Плюшиных фантазиях это выглядело иначе, и он разочарован – как-то все нелепо, совсем не красиво и, в общем-то, смешно. Но понимание и разочарование придут позже, а пока Миха лишь смотрит. Они с Джонсоном с трудом примостились на узеньком, почти обвалившемся козырьке над подвальным окном с фасадной стороны дома. Юным следопытам, – и в последний раз Плюша назовет их всех

так, – пришлось разъединиться (Икс занял окно со стороны моря, и ему открылся самый лучший вид; а Будда пробрался на полуразвалившуюся веранду, явно более позднюю пристройку, продукт местных архитектурных предпочтений), и все увиденное они будут потом сопоставлять. И только одно они поняли вместе и сразу: Икс оказался не прав – это не был бордель. Хотя двенадцатилетним мальчишкам удалось узнать, как и где Таня делает это, борделем дом не был. Честно говоря, ни в тот вечер, ни много позже они так и не смогли дать точное определение тому, чем же являлся дом Мамы Мии.

Плюша видит полутемную комнату и чувствует рядом дыхание Джонсона. Плюше кажется, что дыхание это становится неровным, на самом деле он ошибается. Уже минуло время, когда Таня и борец торопливо сбрасывали с себя одежды, и когда борец с неведомой Плюше грубостью (Таней-то она воспринималась как ласка) взял ее за волосы и прижал к своей крепкой груди, а затем к животу, принуждая девушку встать перед ним на колени, Плюша не совсем понимает, чего он от нее хочет, но большой эрудит и эротоман из ГДР Джонсон шепчет:

– Вау! Минет... Я-я, натюрлишь!

– Что? – откликается Плюша.

– Минет, – поясняет великий порнограф. – Я ж тебе рассказывал – это когда *она у него* в рот берет.

Джонсон затихает, Миха тоже. Вряд ли им неловко, они скорее считают себя героями и все еще надеются получить приз, суперзрелище – за смелость.

Потом Джонсон говорит:

– Ой... Все, начинается! Сейчас будут пилиться.

– Что? – словно звуковой болванчик повторяет Плюша, наблюдая, как борец поднял девушку и разворачивает к себе спиной.

– Трахаться, – терпеливо говорит порнограф. – Я-я, их шприцен... Слушай, а у нее, оказывается, животик... Хм... – Короткий смешок. – А жопа ничего! Да, такая... ум!

В голосе Джонсона веселье, словно подобное он видел уже не раз.

– Жирная больно! – с храбрым равнодушием пытается говорить Плюша. И хотя он здесь абсолютный неопит, ему это удастся. По крайней мере, ни восторга, ни даже простого возбуждения от секса взрослых он не испытывает. – Великовата, на мой взгляд. Прям – жопень!

– Да, – соглашается профессионал и ценитель Джонсон. – Мне тоже больше нравятся маленькие и выпуклые попки. Такие, знаешь, негритянские.

– Угу, – кивает Плюша. Про негритянские девичьи попки он слышит впервые, но и ему вдруг становится весело. А парочка начинает вести себя все громче. Таня стонет и вот уже кричит в полный голос, кусает собственную руку, видимо, пытаясь приглушить крик. И мальчишки переглядываются.

– Почему она так орет? – интересуется Плюша.

– Экстаз! – Джонсон пожимает плечами, будто это слово все и объясняет. – Она в экстазе, видишь ли...

– А-а, – протягивает Миха, будто теперь ему все действительно понятно.

«Да! Да-а-а... Хорошо. Так. Та-а-а-к! Еще! – кричит Таня. – Еще... Да. Да-а!»

И они снова переглядываются. Парочка любовников выглядит все более по-дурацки, и мальчишки еле сдерживают смех. Еще чуть-чуть, и оба будут ржать, как сумасшедшие.

Михин взгляд уже почти равнодушно скользит по комнате, довольно просторной, и если бы не рухлядь-диван, облюбованный парочкой, лишенной обстановки. Хотя, возможно, Плюша просто чего-то не видит: керосиновая лампа в дальнем углу – единственный источник света в помещении. Керосиновая лампа привлекает Плюшино внимание, а за ней... Но прежде здесь, у двери, в темноте. Конечно, не видит! Взгляд мгновенно возвращается, и

Миха чувствует, как у него начинают холодеть колени: прямо здесь, за стеклом, в темноте, огромное и совсем рядом...

Плюша чуть не вскрикнул, отшатнувшись от окна. Черная волна ужаса накатывает на него, почти выдавливая из легких отчаянный вопль. Плюша чуть не начал орать в полный голос.

...Икс, в отличие от своих друзей, не сторонник маленьких выпуклых и негритянских. Большая задница, за которую можно взяться широко разведенными в стороны руками – его мечта. И вот Танина в самый раз. Икс вовсе не разделяет веселья Джонсона и Плюши. Припав к окну, он с открытым ртом пялится в темноту. Что такое отроческая гиперсексуальность ему пришлось узнать чуть раньше своих друзей, и теперь он ее узник. На Икса тоже накатывают волны, но не из тех, что заставили похолодеть Плюшины колени. И перевозбужденное сердце бешено колотится не из-за страха. Икс смотрит на девушку его мечты. И сглатывает сладостные комья, бесконечным потоком бомбардирующие горло. Девушка его мечты... Это не важно, что сейчас с ней борец. Не беда. Икс постарается, и на него обратят внимание. Он постарается, и когда-нибудь ему перепадет. Будет и на его улице праздник, Икс дождется! Разница в возрасте? Не смешите!.. На крайняк Икс обратится за советом к Михе, как ему закадрить Таню. Михе – известный мастер на всякие выдумки, чего-нибудь подскажет. Точно!

Потом Икс понимает, что боковым зрением давно уже заметил что-то типа иконки в углу комнаты. У бабушки Икса в деревне тоже такая стоит. Только перед этой вместо свечки или лампы почему-то керосиновая лампа. Икс не раз видел, как некоторые, войдя к бабушке в дом, первым делом поворачивались к иконе с поклоном и накладывали на себя крест. Хотя в городе, где Икс проводит девять месяцев из двенадцати, все по-другому. Сплошные атеисты. В городе Бога вроде как и нет. И все равно про керосиновые лампы перед иконами прежде слышать не приходилось. Но... нет, это никакая не икона. Икс с новым интересом вглядывается в мерцание фитилька в углу. Вовсе не икона! Ну и дела... Ни хрена себе! И то ли это пламя дрожит, то ли...

В углу, за керосиновой лампой, Икс видит фотографию какой-то бабы – удивительно, что он заметил ее только сейчас, – и, оторопелый, не может подобрать правильного слова. Дело в том, что баба... голая. И... Это... это... какой-то...

«Мультфильм! – неожиданной подсказкой всплывает у него в голове шальной голос. – Какой-то мультфильм».

– Мультфильм, мать его... – шепотом произносит Икс.

...Будда тоже смотрит в комнату, он неподвижен, и его глаза широко раскрыты, даже не мигают. Только Будда смотрит в другую комнату, где Мама Мия принимает своих гостей. Дверь, куда ушли борец с Таней, приоткрывалась, Будда видел их и обратил внимание на фотографию, но... Сейчас время словно перестало для него существовать. Как только Будда увидел гостей Мамы Мии, оно перестало существовать. Они сидели за столом, на который с электрической лампочки под потолком падал желтый свет, и говорили. Просто болтали о своих делах. А Будда узнал их. И не перепутал бы ни с кем. Хотя выглядели они не совсем так, как принято о них думать. Мальчик был бледен и не отводил взгляда от происходящего в гостиной Мамы Мии. И хоть больше всего на свете ему хотелось бежать отсюда, он стоял, смотрел и слушал язык, который прежде никогда не слышал, но сейчас узнал.

...Миха все же не вскрикнул. А еще через пару секунд понял, почему любовники безразличны к тому, что так его напугало. У дверей, во мраке, Плюша увидел огромную собаку. А потом ветерок на пару секунд приоткрыл дверь, пропуская сюда чуть больше света, и мальчик догадался, что застывшее грозным стражем кошмарное животное не живое. Миха провел рукой перед глазами – это даже не чучело, каких полно в зоологическом музее. Не огромная игрушка, а нечто похожее на муляж, ширпотребовскую скульптуру вроде тех зверюшек или девушек с веслом, которыми уставлен весь приморский парк. Бабка совсем рехнулась, если вздумала затащить сюда этот бред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.